

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ

2018

СТИХИ

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ

2018

СТИХИ

Псков - 2018

ББК 84(2Рос=Рус)6
С 48

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
Вита Пшеничная
Игорь Исаевъ
Андрей Бениаминов

Оформление Андрея Бениаминова

«Словенское поле – 2018» : стихи – Псков, 2018. – 160 с.

Сборник избранных произведений участников поэтического фестиваля «Словенское поле - 2018», прошедшего 27–29 июля 2018 года в Изборске и Пскове.

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Сборник издан с использованием средств гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

Всякое коммерческое использование текстов сборника – полностью или частично – возможно исключительно с разрешения авторов. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами РФ.

ISBN 978-5-94542-343-5

© Авторы произведений
© А. Бениаминов, составление, оформление
© Псковское региональное отделение Союза писателей России

ПРИВЕТСТВИЕ
временно исполняющего обязанности
Губернатора Псковской области
МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ВЕДЕРНИКОВА
участникам фестиваля «Словенское поле - 2018»

Дорогие друзья!

*От всей души поздравляю Вас
с открытием фестиваля исторической поэзии
«Словенское поле»!*

Фестиваль «Словенское поле» – яркое событие культурной жизни нашего региона, которое объединяет поэтов не только из всех уголков России, но и из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Уважаемые участники фестиваля! Ваши стихи, наполненные искренними чувствами и душевной теплотой, учат нас любить родной край и трудиться ради его процветания. Вы вносите большой вклад в духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения.

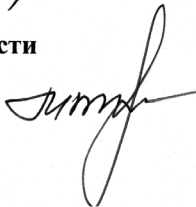
Спасибо вам за прекрасные мысли и чувства, которые вы своим творчеством пробуждаете в людях!

Желаю вам отличного настроения, новых творческих планов и замыслов, вдохновения, а гостям из других регионов и стран – ярких впечатлений от пребывания на благословенной Псковской земле!

с уважением

Временно исполняющий обязанности

Губернатора Псковской области

 М.Ведерников

РЕВОЛЮЦИЯ

Тише рыбьего дыхания,
Легче трепета ресниц,
Скорой смерти ожиданье
Сходит с блоковских страниц...
А вокруг всё лица, лица
С волосами до земли,
Журавлиные синицы
И синицы журавли,
На златом крыльце сидели –
(Здесь зачёркнуто...) Гляди
На бушлаты и шинели!
Хлеба дайте! Проходи!
Робы, блузы, платья, спины,
Маски, кепки, колпаки,
Свечи, фонари, лучины,
Проститутки, кабаки...
Кто поёт, кто матерится –
Власть издохла! Вот те на!
Тут – шампанское искрится,
Там – штыки и стремяна...
Карнавал! Гуляй, людишки!
День последний! Судный день!
Ничего теперь не слишком!
Никому сейчас не лень!
Отойти! Остановиться!
Руки разбросать! Не тронь!
Вера – счастье несчастливцев –
Всех в огонь!

* * *

Ненасытная печь за поленом глотает полено.
На исходе апрель, а в тайге ещё снега по грудь.
Скоро лед в океан унесет непокорная Лена,
И жарки расцветут, и не даст птичий гомон уснуть.

Где-то там далеко облака собирают в стаи.
Где-то там далеко людям снятся красивые сны.
А у нас ещё ветер хрустальный льдинки считает
На озябших деревьях, и так далеко до весны.

Тишину потревожил испуганный рокот мотора.
Не иначе сосед мой – рискованный, бывалый мужик,
До того одурел от безделья и бабьего вздора,
Что по рыхлому льду через реку махнул напрямик.

И опять тишина. На сей раз проскочил-таки, леший.
От души отлегло. Я бы так ни за что не сумел.
В эту пору на лед не ступают ни конный, ни пеший,
А ему хоть бы хны. Он всегда делал то, что хотел.

И за то пострадал, и срока отбывал на Таймыре,
И на высылках жил от верховьев до Карских ворот,
Пил еловый отвар, кулаком плющил морды, как гирей,
И выхаркивал легкие сквозь окровавленный рот.

Он глядел на меня, усмехаясь, в минуты застолья
И на третьем стакане меня зачислял в слабаки,
А глаза изнутри наполнялись любовью и болью –
Так на небо глядят пережившие жизнь старики.

* * *

Меня спросили: «Кем ты был?».
Я не ответил – я забыл.
Меня спросили: «Кем ты стал?»
Я не ответил – я устал.

Меня спросили: «Чем ты жил,
Какому богу ты служил,
Какого сына воспитал,
О чём несбыточном мечтал?»

Жена в глаза взглянула мне:
«Как страшно ты стонал во сне...»

* * *

Донос. ОГПУ. Расцвет ГУЛАГа.
Руби руду! Баланду съешь потом!
Мой дед с кайлом в обнимку – доходяга....
А я родился в ...пятьдесят шестом.

Война. Концлагерь. На краю оврага
Эсесовец орудует хлыстом.
Отец с кайлом в обнимку – доходяга...
А я родился в ...пятьдесят шестом.

Орёл двуглавый. Гимн. Трёхцветье флага.
С нательным в новый век вхожу крестом.
Бескровно под пером скрипит бумага...
Ведь я родился в ... пятьдесят шестом!

* * *

Увели их по санному следу,
Возвратились – забрали коня.
Ни отцу не помог я, ни деду,
Вот и мучает память меня.

Хватит, сам говорю себе, хватит.
Расказачили – значит, судьба.
Только пусто в душе, словно в хате,
По которой прошла гольтьба.

Нынче всякий и рядит, и судит,
Прижимая ко лбу три перста...
Дед с отцом были русские люди –
Ни могилы у них, ни креста.

За отца помолюсь и за деда,
И за мать, чтоб ей легче жилось –
У неё милосердие соседа
На разбитых губах запеклось...

ДУМЫ ВЕЛИКОРОССА

Лишь спросонья вывалюсь из горницы –
Слышу, как из «Слова о полку»
Киевские каркают усобицы...
Снова внук Троянов начеку!

Храбрые Мстиславы поразведали –
Не хотят быть Лондону щитом.
Ведь не зря Радедю то зарезали
Пред полком касожским вечером!

Факельные шествия и прочая...
Символы коричневой страны.
Песня пролетарская, рабочая
Гонит сонм свидомой саранчи!

В небе старорусская поэзия!
В стрелах грозовые облака!
Вот о чём душа мальчишки грезила –
Если бить, так бить наверняка!

Не уступит Русь Тмутаракани
И Тавриды больше не отдаст.
Крымский ли, казанский ли татарин,
Он теперь, как Чингисхан за нас!

Вот с такими возвращаюсь думками
И не знаю, правда где, где ложь?
Если перекалишь – станут хрупкими
Боевые души и штык-нож.

КРЫМСКИЙ МОСТ

Здесь море нездешнею силой
Опоры вжимает в пески.
На этих железах Россия
Стоит широко по-мужски!

А мы же глаголы швыряем,
Как глыбы под будущий мост!
Чтоб Русское море под нами
Навеки с Россией срослось.

Ты видишь, как строят дорогу?
Где рельсы и мысли впритык!
Оттуда возносится к Богу,
В зазубринах русский язык.

КОГДА ТЕБЕ ЗА ШЕСТЬДЕСЯТ

Когда тебе за шестьдесят,
Захочешь – не рванёшь назад,
Сшибая сверстников со сцены,
Но отделивший «ты» от «я»,
Выносишь тайну бытия,
Как гладиатора с арены.

Согласен, нужно долго жить,
Чтоб на земле всё искупить,
Что не вмещается на небе.
Любовь, предательство, обман,
И мимолётной девы стан,
И яд льстецов, и лесть плембеев.

Когда тебе за шестьдесят,
Уже нельзя ломать уклад,
Всё крутится, как по спирали,
Хотя не знаешь вверх иль вниз?
Иловишь взгляд из-за кулис,
Того, кого сюда не звали.

Я самых близких гнобил сам,
Душе и сердцу – стыд и срам,
Но матушка меня любила!
Хотя и мало пожила –
Мне свои годы отдала,
Не выдумал я – так всё было!

Скрипит на мой чердак ступень,
И Переделкино, и Пермь.
И Курская дуга под носом?
Лязг гусениц гремит в душе!
И вдруг улыбка до ушей –
То внук пристал к тебе с допросом...

И забываешь про стихи.
И забываешь про грехи.
Слова мальчишки бьют шрапнелью!
Когда тебе за шестьдесят?
(на печках дедушки лежат),
А ты бежишь за карамелью...

Я УСЛЫШАЛ

Я услышал, что где-то кричали...
Это птицы тревожат страну!
Даже те, кто в конце и в начале,
Вместе ждут, как Мессию – Весну!

Я не допил вино из стакана.
Бросил в двери в зазубринах нож!
Эти птицы летят с Индостана,
А вожак на индуса похож.

Птицы ищут забытые зёрна,
Что зима сохранила в снегах...
Пусть Вселенная иллюзорна,
Но Отчизна стоит на крестах!

Я вполглаза смотрю и вполуха,
Слышу внутренний голос толпы,
Как мираж брезжит Индия Духа
Вдоль великой Уральской гряды.

СВЕТ

Вырываясь из недр, свет лучился, борясь с темнотой.
Звёзды меркли пред ним... Диск Луны покраснел золотой,
От обиды и боли дрожа в бесконечных рыданиях.
Место утренней казни сияло подземным огнём,
Будто воздух горел, освещая степной окоём,
Возвещая о власти безбожной ужасных деяньях...

... не разверзлась земля, возмущая от гнева мира,
Лишь потухший маяк встрепенулся на теле горы,
Слыша выстрелы вместе с вороньим раскатиستم: «Кара!»
Небо сонно ворочалось средь пелены облаков,
Трупы долго грузили, сажали в машины стрелков.
Спал Урал, и подёрнулась рябью случайной Сакмара.

Не дождутся латунные гильзы ребячьей руки –
Отпугнут капли крови... Пустых папирос мундштуки
И окурки слюнявые, вбитые в почву с притопом,
Лоскутки от одежд – всё зелёные скроют холсты,
Пулей сбитую ветку и рваную ткань бересты
Смоют струи дождя, низвергаясь холодной потоком.

Нет Епископа с братией, словно бы не было их...
Ручейки пересохли, злой ветер вдруг сдулся и стих.
С наступлением ночи исторгла свет вешняя почва.
Это память проснулась и стала вопить в небеса:
«Боже, очи отверзи, яви на земле чудеса!...»
– Наш Епископ убит, – сообщила народная почта.

Свет проникнет в сердца, выгоняя сомненья и страх.
«На тебя я надеюсь» – так Сергию рёк Патриарх,
Посох тяжкий вручая – нелёгкую пастыря долю.
Кто посмеет стереть в книге жизни добра письмена?
Лютой смертью погибших не сгинут вовек имена,
Сутью мира оставшись – крутой человеческой солью!

КРУПКА

... А над Кинелем ночка крупку несла в подоле,
Не удержала в дланях краешек скользкий ситца.
Если молитва чья-то прервана злою волей –
Целой и невредимой к Богу она домчится.

Осень пошла на убыль – скорой зиме на прибыль
Ровно покрыла тропки крупка в конце недели.
– Батюшку отпустите! – Разве они смогли бы,
Старенькие ладони тянущие к шинелям...

Прямо из храма взяли, били прикладом в спину,
По серебристой крупке – волоком да на берег:
«Кокнем – царём поедешь – выделим лошадину
Вместе с телегой старой и не попросим денег».

День, с чёрной ночью схожий, тучами небо застит.
– Батюшку не губите! – Плач над рекой вселенский.
Сон – большевистский морок – сгинь, заberi напасти!
В храме оплыли свечи, тени легли на фрески.

На ноги встал священник, крупку сметая с рясы.
– Что, Константине, больно? Что, Константине, страшно? –
Щёлкнул курок взводимый... «Точите зря вы лясы, В Божьем
чертоге стынут и питье и брашно.

К деткам спешу на небо, ждут меня – не дождутся,
В долгом служенье Богу – четверо на погосте...»
Только солдатам стыдно, молча на крупке мнутя.
Сам комиссар усатый: «Цельтесь в попа! Не бойтесь!»

И, палачам прощая, глядя на Божье сито,
Сеявшее снежинки, принял он смерть героя.
Крупка не стала манной, кровью святой полита,
Белым лишь оградила место его покоя.

На берегу Кинеля, рядышком с иорданью
Песней молитва к Богу, словно на крыльях, мчится.
Ночь обернула крупку чёрной прохладной тканью –
Не удержала в дланях краешек скользкий ситца.

КСЕНЯ

Дождик наметал стежки – стариковские шажки
Пыль срезают, словно ножницы, с асфальта
И подбрасывают вверх... Мимо позабытых вех
Дед идёт, слезится глаз потухших смальта.

В кофту женскую одет, в паре сношенных штиблет
И на брюки нацепил зачем-то юбку.
То ли холодно ему, то ли бросил кто в суму
Подаяние – сыграл с убогим шутку.

В тучу сбились облака, солнце заслонив, пока
Резвый ветер не порвал бродяжек в клочья.
С интервалом в пять секунд ноги дряблые бредут.
Ты куда свои стопы направил, отче?

Блики – на боках машин. «Потребляйте», – город-джинн,
Распахнув объятия, заклинал коварно:
«Душу есть где расплескать, в долг бери – негоже ждать.
Прогоришь, ну, значит, брат, такая карма».

Мчалась в поисках бабла тротуарная толпа,
Закоулков городских дурное семя.
Дед ей шёл наперекор, сам с собой вёл разговор:
– Божий раб Андрей почил, теперь я Ксения.

Наваждением влеком, вспомнил: раньше, за столом
В петербургской блинной, слышал я легенду,
Что у Ксеньюшки Святой муж скончался молодой,
И она мундир надела с позументом.

Красный верх, зелёный низ... Не причуда, не каприз,
Мужним именем звалась теперь – Андреем.
Всё до нитки раздала и босая, без угла,
В мир пошла она, чтоб сделать мир добрее.

Оренбург – не Петербург... Три столетия прочь... Но вдруг
Это промысел, достойный быть в скрижали?
Ты Блаженный, не чужак?... Дед исчез, не подал знак.
Снова пыль к асфальту капли пришивали.

НЕДАЛЕКО ОТ ВОКЗАЛА

Из окон веяло майской ботаникой
березовых рощиц, льняных полей,
тихо позвякивали подстаканники
с орбитами звездных кораблей.

Вслед за трелями соловьиными
репродуктор песней наполнил вагон,
музыка – маршевая, лавинная,
рванулась за стуком колес вдогон.

Москва приближалась, утюжа масштабами
глину проселков, сирень села,
по котлованам карабкались крабами
бульдозеры, все обдирая дотла.

На поле, покинутое коровками,
где земля мазутом пропахла давно,
дома вставали спичечными коробками,
или костяшками домино.

А дальше – высились Гималаями
башни, прообразы грозных ракет,
и небо, звездами их опаляемо,
соединяло закат и рассвет.

И были эти гордые образы
как шляпа взрослого малышу,
как гиря мизинцу, как море глобусу,
как фрески сикстинские карандашу...

Но память об этой мечте несбыточной
первым червонцем в копилку легла,
и дальнейшее детство сверкающей ниточкой
касается раненого крыла.

ПЕРЕКОП

На пустынной равнине у мертвых озер
тонкой рябью, дрожащей от зноя,
горизонт расплывается, зыбкий узор
совмещает с небесным земное,
и палит все сильнее, и вдали все черней,
и горячей золой потянуло,
и мерещатся гривы летящих коней,
и кипящие тучи в нарывах огней,
и раскаты подземного гула.

То из прошлого – беглый огонь батарей,
батальоны идут на Литовский,
и ладони раскинул апостол Андрей,
застывая в прицеле винтовки,
и каховская кровь прямо в соль Сиваша
иссякающими родниками
потекла и горит как вино из ковша,
и сквозь пух облаков улетает душа,
и остались железо да камень.

Это память и родина, ветер и путь,
это зарево, пепел и слово,
это кровь обратилась в гремучую ртуть,
и по сердцу грохочут подковы...
Красным – кровь и огонь, белым – свет и слеза,
между ними лазурь небосвода,
и смолой золотою текут образа...
Но когда же покинут война и гроза
неделимую душу народа!

ЛЕДОКОЛ «КРАСИН»

Свежие вешние воды уносят последние льды,
время уходит молча, стирая свои следы,
тихие волны гладят выгнутый черный борт,
вниз по течению шумно: доки, буксиры, порт,
рваные тучи ползут пепельными хвостами.
Все, что у времени выхватим, нашей памятью станет.

Помнишь небесно-белую полночь у Карских Ворот?
Не до красот нам было, время звало вперед.
Вдали, в проливе Вилькицкого, ждали тяжелые льды,
а ключ телеграфа бился дробным пульсом беды!
И слышалось в те минуты – надежда умрет последней...
Звезде Морей отслужили неверующие обедню...

Нельзя забывать молитвы и плавить колокола.
По первой весне зеленеет выжженное дотла.
За все, что мы покидаем, детям держать ответ,
о будущем некому думать, если памяти нет.
И память к нам обернулась и шепотом отвечала –
он больше не выйдет в море, ему стоять у причала.

В минуты горя и страха как хорошо быть с ним,
полной грудью вдыхая чистый ветер весны,
чувствовать мартовский холод, ползущий с карельских болот,
и вдруг понять – раскололся горло сжимавший лед.
Старую сталь бортов ласкают волны весенние...
Ветер уносит годы, память приносит спасение.

ДУЛАГ-100

Кому дано – с того и спросится,
Тому и время – не в зачёт.
Лежит дорога мироносицей
Да память речкою течёт

Туда, где зной окутан рощами,
Курган, как прежде, стыл и наг.
Кому – победный марш на площади,
Кому – покой, а мне – ДУЛАГ.

Вот здесь, в подножии у Порхова –
Колючей проволоки ряд.
Со страшных дней сорок четвёртого
Глаза запавшие въззрят

Из обелиска твердокаменно.
Ни стонов в них и ни разлук.
На пол бетонный в душевных камерах
Уходит жизнь из слабых рук.

Поэту – правда, нищим – подати,
Героям – память, верным – рать.
Не лги, что в рвах от безысходности
Не страшно было умирать.

Не верь, что полохом¹ не маяться,
Хоть вдовье дело – не моё.
Да не кружилось бы над памятью,
Почуяв падаль, вороньё.

Мне б закричать, но голос хрипlostью
Застрял в словах, как в горле ком.
Я опускаюсь под старой липою
К земле распятой. А потом

Пойму: дано нам, значит – спросится!
Пусть чёрным птицам невдомёк,
Стоит Россия – мироносицей –
От слова «Мир» до слова «Бог»...

¹ Полох – тревога

МАЛЬЧИК КОТОРОМУ Я – НИКТО

Свет от проектора белым лучом в дыму
Выхватил резко из хмурых времён виток:
Сорок шестой. Сиротливо глядит во тьму
Маленький мальчик, которому я – никто.

Стены убогие, голодь, да печь в углу
Теплится еле – не ссохлась ещё кора.
Кукла тряпичная – памятью – на полу,
Сколки брони, принесённые со двора.

Шорты на лямках – из детства последний штрих,
Все остальные затёрла вчера война.
Вечер, бомбёжки вспомнив, во мгле притих,
После страданий вздыхала в тиши страна.

Чудом спасённый от смерти в деревне той,
Ждёт маму с папой, в ладони уткнув лицо,
Веря везению так, как любой другой,
Маленький мальчик, которому мир – никто...

Не было б вёсен – не стало б в миру и лет,
Жизнь обретала на счастье свои права.
Время бежало, эпохи менял поэт
В строках своих. Только боль до сих пор жива.

Брошенных отроду скольких ещё сынов
Корни обрублены в нежном живом ростке?
Маленький мальчик всё также смотрел в окно,
Звёзды считал, одинокий в своей тоске.

Комната светлая, сытость, тепло, уход,
Игры вечерние. Только слыхала я:
Сыны осенние ходят из года в год
В душах детей, от каких отреклась семья.

Минули войны, тревоги, разрухи, век.
А в мониторе, как прежней беды виток –
Ждёт маму с папой, времён замедляя бег,
Маленький мальчик, которому мир – никто...

ВКУС

Не доблестями князя-самовластца,
но храмами на Клязьме и Нерли
прославлен и забвенью не предастся
Андрей, держатель Суздальской земли.

И царь Иван, переписавший дерзко
ордынское наследство на Москву,
отмечен в ней не бронзою имперской –
цветным собором Покрова на рву.

Архитектура – зеркало эпохи,
а зеркала шлифуют мастера.
Петровские реформы были плохи,
но чуден величавый град Петра.

Мы в отчимы зачли «отца народов»,
но в сталинских высотках – дух страны,
которую с лоскутных огородов
в открытый космос вывели сыны.

У тех, кто строил Русскую державу,
Российскую империю, Союз,
в придачу к необузданному нраву
был недурной художественный вкус.

КНЯЗЬ И ПИСАРЬ

«...Сего же лета бысть пожар».
Сгорело сорок сёл.
Но дал Господь просимый дар:
стеною дождь прошёл.

Из мест, нетронутых огнём,
в столицу ехал князь.
Придворный писарь был при нём
в возке, месившем грязь.

И оба слушали гонца:
– Народ посадский лют.
Без дозволения Дворца
на площадь вышел люд.

Кричали: «С нами князь расторг
отцовский договор –
и правый суд, и вольный торг
у нас украл, как вор!»

С трудом оружные мужи
скрутили крикунов,
предупреждая мятежи
с крушением основ...

– Смутьяны! – вздрагивает князь. –
Набатов мало вам?
На площадь вышли не спросясь?
Дубьём по головам!

А княжий писарь (чином дьяк,
но званием холоп)
запоминает, что да как,
и морщит битый лоб.

«Прямые, свойские слова
близки простым сердцам.
Умён хозяин, голова...»
И вздрагивает сам.

МИХАЙЛОВСКАЯ БАШНЯ

Ох, тяжко мне земля сдавила грудь,
И чрево я не чувствую лет триста...
Хотела бы от гнёта отдохнуть,
Чтоб был ко мне проложен торный путь,
Тропа, известная хотя бы для туриста.

А что дает мне этот новый век,
Когда давно осады миновали?
В заботах повседневных человек –
Забывтой башни сумрачный ночлег
Надеждой светлой оживит едва ли.

Но был же он, сраженья грозный час,
Ощерились огнём мои бойницы,
Со стен врагов сбивая каждый раз;
И смельчаки ходили в тайный лаз,
Чтоб сечей быстрой вволю насладиться.

Их вдохновлял Архангел Михаил,
К нему взывая, истово молились.
И неприятель, дрогнув, отходил,
Кляня свой рок, лишивший прежних сил.
А псковичи, ликуя, веселились!

Поднять на свет, что спрятано под спуд
В пыли веков духовного урона,
– Коль времена иные настают –
К тебе с надеждой, православный люд,
Глас возношу сквозь толщу бастиона.

* * *

*Живущий в прошлом, здесь, в грядущем,
Поэт, с мятущейся душой,
Познал величие и сущность
Того, что было пеленой
Сокрыто от его народа...
(Татьяна Алексеева-Никулина. Пушкин)*

И светлый луч встаёт над Псковским Кромом,
И верится, что ясен путь зари,
Мечтается о праведном и новом,
Храня почтенье к прошлому внутри,
Пройдя дорогу страшного разлома,
Души не предавая в чистоте,
На возрожденье собственного дома
Потратить силы, равные мечте.

Чтоб в этом доме честно и согласно
Трудиться нам всегда рука к руке,
Надежду воспевая не напрасно,
Не строя жизнь из замков на песке.

Святое, заповедное Начало,
Всей мудрости живое естество
Чтоб громко Слово Пушкина звучало,
Чтоб страстность не принизилась его.

И чтоб никто не опрокинул колос
Златого благодатного зерна,
Возвысьте, люди, неподкупный голос, —
Его услышит с радостью страна.

АНГЕЛАМ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Что знаю я о вас, минувших прежде, чем Бог затеплил мысль обо мне,
Цари в поистрепавшейся одежде, пророки, жизнь топившие в вине,
Шуты, свой век сложившие на плахе, калики между проклятых калек,
Бретёры, чьи крылатые рубахи соломою набил железный век,
Чьи переписки – вскрыты и затерты чтецами любопытными до дыр,
Чьи, золотом покрытые, реторты еще, порой, полны живой воды,
Чьи почерки остры, и вести – святы, апокрифы – Евангелий новей,
Любви ее величества солдаты, побочный цвет адамовых кровей?

Что знаю я? Оправленные в святцы, скупые сводки истин прописных
О том, как вы умели улыбаться, долбя в снегу могилы для родных,
Умели плакать по чужим потерям, за всех болеть, за всех сходить с ума
И узнавать своих по белым перьям, столкнувшись с ними спяну и впотьмах.
Вы заедали сухарями горе, тоскуя по парному молоку,
Затягивали с голоду на горле, как длинный шарф, суровую пеньку,
Но не фальцетом пели под прицелом, а, молча, продавали души в рай
Рифмуя всякий вздор перед расстрелом, как будто смерть – еще одна игра...

Но вот они, в пыли на книжных полках, пока вокруг шумит железный лес,
Не канувшие в домислах и толках осколки звезд, украденных с небес!
Вам жгли уголья узкие ладони, не знавшие иного ремесла,
Затем ли, чтоб потомок посторонний, от пепла задымаясь, сгорел дотла?
Глашатаи простуженной эпохи, взошедшие с крестами на Парнас,
Бросая нам с высот сухие крохи, молитесь вашим ангелам о нас.
Глядите на уловленные души с улыбкою во весь небесный свод,
Бродя по божьим хлябям, как по суше, и наши сны предвидя наперед.

АННИН ХЛЕБ

Памяти Марины Цветаевой

На заре я нынче поднялась: смыла струпья, вычистила перья...
Уж к обеду налетаюсь всласть! Не к тому ли нынче все поверья:
Пролила последнюю водицу, в зеркалах не видела себя...
Стало быть, во-истину, скорбям наступило время прекратиться.
Аннин хлеб отбившая вчера, проронив последнюю канцону,
Я иду – каликой со двора – прямо к Мандельштаму и к Эфрону.
Те же, кто останется днествовать, пусть уважат песней, коль не мессои...
Снова станет спящею принцессой всем сынам троюродная мать!

И короткой челкою моей, и глазами – звездно исподлобья! –
Стану я любезна, соловей, не народу, так земной утробе.
Не меняла я моей стези: что на сердце – щедро проливала,
Во гробы гвоздей не забивала, во кресты друзей, что не мои...
Помяните ту, что по зиме не согрела крылышек югами,
Что у божьей шали – в бахrome, и в реке любви – меж берегами.
Что креста несомого – не лгать! – и не знала веса за плечами...
За такое здесь не привечали: не сержусь, что месса не долга!

Вот уж я, по крохам разнята, доедаю хлеб мой в мертвом доме,
Где в пыли столетней все места для икон, да пол в сухой соломе...
Коль повинна, Анна, извини! Не хотела взять твоей юдоли!
Доживи, набатом дозвони, придержи зарю твою дотол...
Вот стою на жердочке скамьи, как на островке средь белой ночи...
Ты отвел ли место средь своих в паводке Твоем приبلудной дочке?
Дай-ка, потянуся я носком, скину вес, оставленного тела...
Вот – гляди-ка, Господи! – взлетела и нырнула сразу глубоко...

ВЕНОК ПОЭТОВ

*«Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть...»
А. Ахматова («Данте»)*

Как профиль Данте – слепок пустоты –
И профиль Анны – женщины! – похожи...
Вы никогда не думали о том же?
Два божьих дара, общие черты...
Излом судьбы, высоких скул излом,
Изгнание, скитания по аду
Средь пишущих за славу, за награду –
За звон и золотой металлолом...
Два языка, два слога, два венца,
Два выходца из песенного пекла,
Ключущих сердце вечности, птенца...
Которое столетие на дворе..?
В одном чину – кто возрожден из пепла,
И та, что опочила в серебре.

ПРОЩАНИЕ С ЕСЕНИНЫМ

С букетом красно-чёрных роз Бухарин...
Ребёнка Мейерхольд прижал к себе...
А тот, кто ныне отдал дань судьбе,
Теперь ей будет вечно благодарен.

Внимание к поэтам не случайно.
Советами недаром дан совет.
Но в каждом слове – несказанный свет.
И в каждой строчке – разглашение тайны.

Определяйтесь, что кому дороже, –
Петля на шею или пуля в лоб?
Вот ком земли ударился о гроб,
И эхом по толпе: «Прощай, Серёжа!»

ПАСХА

(Борисоглебск)

В свежести зелёных куполов
Подлинность шестнадцатого века.
В сопряжении не прямых углов
Самобытный почерк Имярека –
Отпечатки пальцев на стенах,
Выбеленных известью по кладке,
В слюдяном окне во временах
Сохранился код его сетчатки,
Тембр молитв звучит в колоколах,
Простираясь ширью поводовья...
Солнца блик на каменных полах
Натянул косых лучей поводовья.
Нынче снова золото крестов
городок от смерти отстояло!
Жизнеутверждающих цветов
На заборах сохнут одеяла.

СЕМЕЙНАЯ ЛЕГЕНДА

И сыпал снег. И женщина смотрела
В лицо новорождённому сынку,
И обнимала, лёжа на боку,
Его как будто защищая телом
От испытаний, ждущих на веку.

И время шло, ваяло из сугроба
Тирана профиль. Был угрюм и хмур
Грядущего безжалостный прищур.
И прошлого. Два маленькие гроба
Не мог забыть зелёный абажур.

И муж в кругу его живого плена
Украдкой слёзы быстрые сметал.
А слабый голос женщины пытал:
– Как, Вася, назовём?..
– Богданом, Лена. Бог взял. Бог дал.

И сыпал снег. Морозные эмали
Февраль на окна наносил крылом.
Муж проверял тетради за столом.
Лучился свет. Дитя и мать дремали.
Двадцатый век в ночи стоял колом.

ПСКОВ – ПЛЕСКОВИИ ВОРОТА

Псков – Плесковии ворота
от высот его кремля,
дальних далей горизонты,
до морей Руси земля!

Неоглядные просторы,
заповедные леса,
острова, луга, озера,
и повсюду чудеса!

Чур, Тиглицкая ондина
кажет личико из вод,
золотых волос пучиной
околдует, обовьет.

Акватория, местами,
дна не видно – глубоко,
не скудеет судаками
и снетка добыть легко.

На болотах тихо, глухо,
клюква спелая у ног,
отыскать Земное ухо
мудрено, не всякий смог.

У Опочецкого чуда
сила действия хитра,
и с загадками Бермутов
дружит Духова гора.

Недвижим Вороний камень,
под холодную волной,
но коснется лиха пламень,
тотчас вырастет скалой.

Гнезда вьет в округе аист,
по весне спешит домой
и соседствует на радость
новый век со стариной!

МИХАЙЛОВСКОЕ ЛЕТО

Михайловское лето,
дорожки и цветы,
былых времен приметы
у столбовой версты.

В Тригорское следочки,
Онегина скамья,
и огоньки Опочки –
старинные друзья.

За хвоей изумрудной –
усадебный уют,
от ожидания чуда,
притих зеркальный пруд.

Аллеи сень густая,
слова любви чисты,
о, Дева, неземная
небесные черты!

Восторг и умиление
от дивных мест, родных,
и плещет вдохновение,
пылает чувством стих!

Чарует вид с крылечка,
на Сороть, на луга,
Царевна-Лебедь речка,
словенов берега!

Михаил ПОЛЕВИКОВ
г. Боровичи Новгородской области

БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК

«Правда лишь над вселенной царь»
Г.Р.Державин.

Произвол, беззаконие и казнокрадство
Для Отечества нашего – злые враги...
За спиной, кто с участием,
кто со злорадством:
– Ты, Гаврило Романыч, себя береги!

Непреклонен строптивец
ни в деле, ни в слове,
И дорога его, то под суд, то в Сенат.
Он солдат, он Поэт,
он всегда наготове,
Но вельможная рать на Руси, как стена.

Разрывается сердце от боли на части,
Даже в «Званке» над Волховом отдыха нет.
Он слагает стихи – наставления власти,
Как Архангел, несёт ей утраченный свет.

ГЕРОЙ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Русский крестьянин,
поддерживающий державу –
фрагмент памятника «Тысячелетие России».
Великий Новгород

В тени царя и битых забияк
Чуть виден непокрытый буйный волос:
Там со спины – крестьянин, «сибиряк».
Он не колосс, но он – кормилец, колос!

В веках крестьянин жилистой рукой
Поддерживал гигантскую державу.
На памятнике, как никто другой,
Встать впереди он должен был по праву!

...И «молот» ныне позабыт, и «серп».
Печален этот поворот и странен:
С коронами опять российский Герб.
А кто державу держит? Где крестьянин?

СВЯТЫНИ

Здесь по преданьям – гиблые места,
Но лик земли был верою очищен.
Монастыри, как стражи на постах,
И лишь в названьях:
Хутынъ да Вяжищи.

Смиренен Волхов, Мутная река¹,
В ней буйствовал когда-то сын Словена.
Копьё в руке, и праведна рука –
Святой Георгий в Юрьеве бессменно.

Сегодня вера с модой пополам,
И мы путём нескорым и окольным
Приходим поклониться куполам
И лечим душу звоном колокольным.

¹ Волхов, сын скифского князя Словена, бесогоудник и чародей, принял облик крокодила и залёг в реке, названной его именем. (Из «Истории о начале русской земли и о создании Новгорода»).

В БАШНЕ

В башне под крышей прячется время,
Липкое, как леденец...
Будто я слышу: звякает стремя,
Падает наземь гонец.
Будто я вижу – горстка гороха
На барабане дрожит...
Птицей летит за эпохой эпоха – вечность над башней кружит!
В башне под крышей спрятаны шлюзы,
Время торопится вспять:
Будто я слышу – бьются французы,
Город пытаются взять.
Будто я вижу – выются хоругви,
Над крепостною стеной...
Войны проходят и бури, и вьюги – стой, непокорная! Стой!
В башне под крышей носятся лица,
Тени скользят по стене...
Будто я слышу – гаркают фрицы
В страшной последней войне...
Будто я вижу: наши ребята –
К танкам со связкой гранат...
Птицей проносится дата за датой – стены и башни стоят!
В башне под крышей прячется время,
Липкое, как леденец...
Будто я слышу: новое племя
К башне приводит отец.
Держат, я вижу, детские руки
Памяти прочную нить...
В башне прапрадеды учат правнуков, как полагается жить!

1812–2012

1. У «Памятника с орлами». Смоленск.

Распростёрли орлы над скалою могучие крылья,
Защищая от лютого врага малых орлят...
Это было б красивой легендой, коль не было б былью:
Так сражались войска под Смоленском два века назад.
Шли французы живою лавиной, не зная пощады,
Грохот пушек и посвист шрапнели, растерзанный Энск.

Но навстречу врагу устремляются наши отряды,
И встаёт на пути у врага златоглавый Смоленск.

Как героически сражался Смоленск, отражая атаки!
Весь изранен, в огне, весь в крови он стонал, но стоял.
И над крепостью реяли гордые русские стяги,
А над городом лик Богородицы свято сиял!

И летят, и летят над страной могучие птицы,
И героев, подобных орлам у России не счесть.
Но мы помним о них и всегда будем ими гордиться,
И в почёте всегда будут вера и верность, и честь!

2. «По смоленской дроге...»

Холодно, холодно, холодно... Белая вьюга...
Что же забыли мы в этой бескрайней стране?
Я потерял нынче утром последнего друга.
Вот панталоны его и рубашка. На мне.

Голодно, голодно, голодно... Там круассаны,
Там конфитюр и шампанское, сыр, фуа-гра...
Здесь только снег и мороз. А ещё партизаны.
И понимание, чем завершится игра.

Кажется, кажется, кажется, снова я дома,
Рядом детишки, маман и красотка жена...
И никого, кроме заиндепевшего кома.
И ничего, только ночь и мороз. И война.

ХОРОНИЛИ БОЙЦА

Хоронили бойца,
рядового Великой Войны.
Утирали с лица
слёзы скорби и слёзы вины.
Восемнадцать всего,
в мясорубку – со школьной скамьи.
Ничего, никого:
Ни надежд, ни любви, ни семьи...
Разрывались сердца:
ведь дитя – с конопутками нос...
Хоронили бойца.
Медсестричку в веночке из кос.

СНЕГИРИ

О войне рассказывал мне дед.
С той поры прошло немало лет.
Говорил: «Забыть я не могу
Алых пятен крови на снегу».

Шёл жестокий и смертельный бой,
Закрывали Родину собой.
Души всех солдат-богатырей
Превратились в птичек – снегирей.

Над страной стояли холода,
Обелиск солдатам изо льда.
Покрывало белое в крови –
На снегу застыли снегири.

Души к нам летят из той войны,
Забывать о них мы не должны.
И кружит над памятью людей
Стайка красногрудых снегирей.

ХОЛОКОСТ

Она погибла. Совсем ребёнок,
Девчонка мелкая с косой.
Но говорят уже с пелёнок
Она была совсем другой.

Кто говорит? Какой другой?
Она любила папу с мамой.
Увлечена была игрой
Про дочки-матери, той самой.

Ну, потемней глаза и волосы
И вьются локоны на плечи.
Другие были нотки в голосе
И улыбалась всем при встрече.

Но вот война, война проклятая,
И немцы возле их двора.
Идут враги, враги заклые.
Погибнуть ей пришла пора.

Осталась кукла одинокая
И недопит в стакане чай.
Ну, что же ты, война, жестокая,
Неужто девочку не жаль?

Кто виноват? Скажите мне:
За что детей тогда казнили?
Погибло много их в огне,
А ведь теперь их внуки б жили.

ПАМЯТЬ

На небе звёздочки опять зажглись
И души девичьи к ним поднялись.
Застыли стрелочки на всех часах.
Теперь вы, девочки, на небесах.

Война с нацистами виновна в том:
С людскими судьбами всё кувырком.
Ну, в чём различие еврей иль нет?
Кто взял величие делить так свет?

Сидели в камере за что они?
И в страшном лагере прошли их дни.
Всех пыток зверских не перечесть,
Быть может, в смерти спасенье есть?

На небе снова зажглась звезда,
Пусть люди помнят девчат всегда,
Ведь, если память в душе живет,
Единым будет всегда народ.

ПРАЖСКИЙ ХЛЕБ

Не знаю, для чего мне продиктован
Такой сюжет – уж слишком он нелеп
Тем, что так прост –
Как в Праге в продуктовом
Я покупал обычный пражский хлеб.

Добавить нужно, что дешёвый самый
Так вкусен был он, что по вечерам
Мой поздний ужин: с ним, с домашним салом
И с крепким чаем – равен был пирам!

Вы спросите: а что же в рестораны
Ходил я редко? Кроны, что ль, берёг?
Всё просто: реагировали странно
Там иногда на русский говорок.

И навсегда запомнилось, как жарко
Сказала что-то в сторону мою
Официантка, старая пражанка,
На просьбу лишь расшифровать меню...

Но пан седой –
У Свóбоды солдатом
Он воевал –
Был вежливым со мной:
«Прости: они забыли сорок пятый,
А только помнят шестьдесят восьмой...»

Да ладно, брат: плевать мне на интриги,
Коль по сердцу мне Праги купола
И хлеб её, похожий на ковриги,
Какие в детстве бабушка пекла!

Есть чай пока и даже сала малость –
Всё остальное, право, «се ля ви»...
И долго-долго мне не засыпалось,
И я писал о Праге и любви.

СНЫ СТАРОГО ЛЁТЧИКА

*Фронтовику (1-й Белорусский фронт:
июль 1944 – май 1945), лётчику–истребителю
Михаилу Дмитриевичу Смирнову,
ныне моему дорогому тестю*

Подождите – не будите, юный свой уймите крик:
Сел в любимый истребитель старый лётчик–фронтовик.
Он теперь в германском небе – там, где выше только Бог,
Он опять – прекрасный лебедь и опасный ястребок.

Позади – его ведомый, в перекрестье – «мессершмитт»,
Что свинца наеся вдоволь, загорится, задымит,
И на запад, уж не страшен, понесёт свой чёрный знак:
Забивайтесь в щели ваши – меч возмездья русский «ЯК»!..

Но важней огня и грома – спецзадание: в лесу,
Тайного аэродрома обнаружить полосу,
Чтобы главные злодеи не сбежали от петли,
Чтобы снова их идеи общим горем не взросли...

Подождите – не будите, юный свой уймите крик:
Сел в любимый истребитель старый лётчик–фронтовик.
Он сейчас в германском небе – там, где выше только Бог,
Он опять – прекрасный лебедь и опасный ястребок!

Где найдёте вы такого? Из счастливцев он: из тех,
Чьей отвагой атакован и разбит разбойный рейх!
Завершается эпоха их земных высоких трасс –
Не комэска он, а Бога скоро будет лучший ас.

«Отче! – скажет. – Что за лётчик – не умеющий летать
Твой посланник–ангелочек? – Из училища, видать?
Чтоб над ним и райским домом не смеялись бы в аду,
Я возьму его ведомым – и на бесов поведу!..»

Подождите – не будите, юный свой уймите крик:
Сел в любимый истребитель старый лётчик–фронтовик.
Он опять в германском небе – там, где выше только Бог,
Он опять – прекрасный лебедь и опасный ястребок!..

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

Над спящей станицей повисла луна,
Негромкая песня над Доном слышна.
Расскажет та песня, летя над волной,
О долюшке-доле казацкой лихой.
Эх, сколько чубатых голов полегли,
Окрасивши кровью в степи ковыли!
Дон, помнишь? Бывало, пришпорив «донца»,
Брат шёл против брата, а сын – на отца!
Блестели, скрестившись, стальные клинки,
Как сполох зарниц в тёмной глади реки
И, веруя слепо в окраску знамён,
В лихую атаку летел эскадрон!
Безжалостно песню запел пулемёт,
Волна мелкой рябью по Дону идёт.
Проложив от берега к берегу след,
Круги на воде рисовал рикошет.
Ракиты, склонившись, скорбят над водой:
Упал на скаку есаул молодой.
Как ласковый сын свою старую мать,
Он вольную степь попытался обнять.
Но дрогнули пальцы, зарывшись в песок,
Уставился в небо застывший зрачок.
Понуро застыл нерассёдланный конь,
Уздечкой звеня, и косясь на огонь.
Вот, сталь очищая, полыни пучком,
Любуется кто-то трофейным клинком.
И, взявшись привычно за дело своё,
Над степью кружит и кружит вороньё.
Рассыпались звёзды над степью ночной,
Туманы ползут от реки пеленой.
И шепчет негромко седая волна,
Казачков, погибших в бою, имена.

ЗАПИСКА ИЗ СОЛДАТСКОГО МЕДАЛЬОНА

Над серым утренним болотом
Так низко облака скользят.
Ствол раскалённый у пулемёта
Шипит от капелек дождя.
Шинель и каска в рыжей глине,
В болотной жиже сапоги.

Туман крадётся по ложбине,
За ним тяжёлые шаги.
Ракета вновь след дымный чертит,
Сейчас поднимутся опять.
А в восемнадцать лет, поверьте,
Так не хотелось умирать!
Лежать нам всем в могиле братской,
Как эта истина проста!
Не заслужив звезды солдатской,
Ни православного креста.
Родным, вестей напрасно ждавшим,
Придёт по почте полевой
Три слова : « Без вести пропавший»,
О тех, кто вместе был со мной.
Шинели чёрные так близко!
Прицел вмещает их по грудь...
Мою последнюю записку
Прошу, найдите кто-нибудь!

МОРСКАЯ ДУША

Брусчатка гремела от их каблуков,
Их клёши листву разметали.
Под марши оркестров и взмахи платков
Они корабли покидали.
На ватник сменили матросский бушлат –
Пусть к форме возникнут придирки –
У сердца ребята любовно хранят
Родные свои бескозырки.
Матросского шика таков атрибут,
Отметим и важность момента:
В атаке матроса от пуль берегут
Оранжево – чёрные ленты.
В бою рукопашном решает не штык –
Враг в панике, видя тельняшку,
Солдатский пошире раскрой воротник:
Морская душа нараспашку!
Полундра! В атаку шагаем в цепи,
Винтовок сжимая приклады,
А тот, кто был рядом, остался в степи,
Упав после взрыва снаряда.
Звезда из фанеры над степью взошла.
«Как звали его?» – кто-то спросит.
«Не знаю, братишка. Такие дела...
Зови неизвестным матросом!»

ГАТЬ

*Моему деду Ивану Степановичу Фадееву,
политруку 901 стрелкового полка
245 стрелковой дивизии*

В котле Демянском, на болотах
Не умолкает вечный бой
В сырых могилах – в старых дзотах
И крик, и мат, и рёв, и вой.

Бойцы идут вперед по трупам,
И страх при них, и смерть с собой,
И пушек ледяные крупы
Хлебают кровь, глотают гной.

Такая гать – тела людские.
Под каждый шаг – солдат, солдат...
Саратовские, Костромские...
Кому отец, кому-то брат.

Трава густа и воды глухи,
Деревьев мрачен сухостой,
Он тянет ветви словно руки –
Непокой, непокой.

Замес крови с землею черен
И ржавый холоден огонь...
Их соки тянет острый корень
Во тьме тяжелой и нагой.

Молюсь, молюсь за не ответных,
За всех прошедших этот ад –
Пять лет Великая Победа
Шла по дороге из солдат.

И мой солдат лег безымянно
В болотистом лесном краю...
Где бродят зори неустанно,
Где птицы вещи поют...

* * *

Дочери Анне

Спит твоя бабка на дальнем погосте,
В Богом забытых местах.
Ели и сосны хранят ее кости
В устюжских тёмных лесах.
Мимо течёт, время долгое тянет
Сухона в водах своих.
Берег высокий источен и ранен,
Век оголялись слои.
Вскрытое тело земли отлежало
Камни в холодных снегах.
Корни деревьев, что острые жала,
Шилами в мерзлых гробах.
Нет никого, кто войдет за ограду
Птицам насыпать пшена,
Кто бы принес цвет поникший из сада,
Выпил за память вина.

Кто б нам простил, кто бы меру отмерил...
Жизнь обреченно-земных...

Господи, Господи! Дай силы веры...
И сохрани всех родных...

* * *

Убежало лето за леса.
Не догнать его и не вернуть.
Снова серым тучам провисать,
Водяную проливая ртуть.
Снова скроют ставни блеск стекла
В старых дачах у пустых дорог.
Снова встанет лодка без весла
У мостка среди рябых осок.
Снова ветер заскрипит сосной,
Разбросав в игольнике листву.
Снова первый снег придет босой,
Приминая жесткую траву...
Никуда не деться от зимы,
Что придавит тишиной поля.
И пройдем сквозь это всё и мы...
Потому что мы и есть земля.

СВЯЩЕННЫЙ ХОЛМ

Собирается холм из далёких и ближних земель,
Каждой точки на карте присутствие зримо,
Взмахи тысячи рук качают Руси колыбель.
Всё ещё впереди, всё ещё, как всегда, поправимо.

Не могильный курган, не прощальный кивок головой,
Единенье племён, единенье народов и почвы,
Чтобы ввысь наша Русь возрастала душой и землёй,
Чтобы камни скрепились надёжно и прочно.

Две империи стали единый наш дом –
Русь церковей и крестов, Русь Советская живы.
Если рядом совсем, за ближайшим холмом
Княже Трувор стоит со своею дружиной.

Бросим землю в курган, прах свой в твердь обратив,
По ступеням камней, через мрак и бессилье,
С этим жить, с этим петь, с этим в небо идти.
Собирается холм, словно перья на крылья.

Если снова в разладе и душит холодная грусть,
А остывшее сердце так фальшиво-бескрыло,
Собирается холм, словно некогда Русь.
Всё ещё впереди. Даже если оно уже было.

ВETERAN ПРИНЯЛА ПАРАД

Ольге Ильиничне Вастенковой

Текла людей, цветов река
Вниз по проспекту, по уклону.
Ни одного фронтовика,
Ни одного на всю колонну!

Хоть май вокруг и тех солдат
Сломить не вышло у фашистов,
Но время пуль сильнее, гранат
И жатву собирает быстро.

Вот и окончен разговор
Для ветеранов, в самом деле,
Когда живые – на подбор,
И те – прикованы к постелям.

Храня историю свою,
Как ветераны, так же чётко
Шагают правнуки в строю
И внуки в дедовых пилотках.

Колонны шли во весь проспект.
Но молодёжь – не ветераны,
Людской так быстротечен век.
Вдруг распахнулись створки рамы

И показалась в том окне
Вдруг ветеран в военной форме.
И взоры обратились к ней,
Что в войне взялась напомнить.

Аплодисменты, крик «Ура!».
Колонны двинулись ровнее
К ней – принимающей Парад,
Как на трибуне Мавзолея.

А ветеран махала нам,
Всем проходящим мимо людям.
Сердца стучали в такт шагам:
Не предадим и не забудем!

Да будет так! Не предадим!
В том наша честь и наша сила.
«Ура!» сейчас звучит, как гимн.
Бессмертный полк.
Бессмертная Россия.

КРОВИТ В КОРОНЕ КРАСНАЯ ШПИНЕЛЬ...

Кровит в короне красная шпинець
Огромной каплей спелой земляники...
Последняя любовь... Алікс и Ники...
Княжны, наследник... в небе ли?.. В стране ль?..

На небесах кровавая заря
Горит напоминанием о драме,
А на стене в большой, красивой раме
Семейство убиенного царя...

Воспетая романтика борьбы
Взрывает вседозволенности новью,
Но раз за разом над пролитой кровью
История восстанет на дыбы
И повторит извечный свой виток,
Закручиваясь новой спиралью
Для тех, кому не видно даль за далью,
Кто не усвоил жизненный урок.

Когда царит несправедная смерть,
Она равняет и царей, и нищих...
И на руинах, и на пепелищах,
Не мы ль должны покаяться успеть?

Убийства не оправдывают цель.
Задумайтесь в победной эйфории:
Зачем в укор духовности России
Кровит в короне красная шпинець?

БОГАТЫРИ

Из века в век за землю воевали,
На бой с врагами шли богатыри...
Поймут ли иноземцы Русь? Едва ли.
А покорить? Попробуй, покори!

Храня родную землю от набегов,
Иду на вы! – свой клич врагу послав,
Рубил татар, хазар и печенегов
Могучий князь – великий Святослав.

Запоминали отроки младые:
Земля отцов – она священный дар.
Тевтонцам и Орде рубили выи
Донской Димитрий, Невский Александр.

За родину сражались – не за славу,
За отчий дом, который сердцу мил,
Чтоб долго шведы помнили Полтаву
И турки не забыли Измаил.

Как ждал француз, чтоб вы пришли с поклоном,
С ключами от Москвы! Вы всё равно
Стояли насмерть, чтоб Наполеону
Вовеки не забыть Бородино.

...Идут года, сменяя поколения,
Отечества защитники растут.
По зову сердца, по души веленью
Они всегда на страже, на посту.

Возносят церкви золотые главы,
Играет небо краешком зари,
Гуляет ветер над Курганом Славы
И не перевелись богатыри.

* * *

Он ходит и стучится в двери –
Молчком сиди.
Зрачком среди
Заставленного дома ищет
В окне тебя,
Во тьме скребя
По стёклам пальцами кривыми.

Он ходит и зовёт, и ждёт, и
Готов напасть,
И нож припас.
А ночь проходит, утро близко.
Ты выйдешь из
Дому и визг
Издашь, увидев ужас мира.

* * *

Созвездья плановых окошек,
Ромашки рыжих фонарей,
Поля нескошенных прохожих,
Прибой бензиновых морей
Рисуешь на обоях белых
Ещё не выросший, но ты.
И жалко только бедных белок,
Отдавших кисточкам хвосты.

Созвездья лампочек, мигалок,
Ромашки вентиляей стальных...
Полями арматуры алой
Прибьёшься к группе остальных
Нескошенных ещё прохожих
И будешь чёрным угольком
Карябать схематичных кошек
Под непробитым потолком.

ПУСТОТА

Со мной заговорила пустота.
Легонько намекнув, что я ничтожен.
Она сказала это просто так,
Как будто бы желая подытожить.

Я удивился, посмотрел в неё –
Она смотрела мимо, не мигая,
И, наслаждаясь первым тёплым днём,
Стояла в центре комнаты нагая.

Я был одет. И говорить не мог.
Поняв обман моей густой одежды,
Она не продолжала монолог,
Прекрасно сознавая, что одержит

Победу. Оставалось ей чуть-чуть.
Мой век её бессмертия короче.
Она так откровенна, я – учусь
Скрывать её под толщами сорочек.

МАЛЫ

(Погост (деревня), Печерский район Псковской области)

Ой, малым-мало село Малы
На горе стоит в овсяном поле.
У подножья золотой горы
Купола. В зелёное раздолье

Затаились звонница и храм,
Словно в салки с путником играя,
Убегают к топким берегам
В чащи ежевики, иван-чая.

У креста на склоне помолись,
В орляке сыщи святой источник,
И спускайся, как умеешь, вниз...
По траве некошеной – короче.

То в овраг, то снова на бугор,
Через мост, по сельскому погосту.
И нежданно поразится взор:
Стройно, свято, чисто, бело, просто.

НЕСТОР-ЛЕТОПИСЕЦ

Под иконою лампада,
На столешнице свеча.
Старец, перья заточа,
Ветхий свиток шарит взглядом.
В туесок довольно узкий
Пук таких же свитков вжат,
Своды древние лежат,
Лавка гнётся от нагрузки.
Где-то в текстах скрыты корни
И причины, и пути.
Это ж надо всё свести,
Увязать, и то запомнить.
Текст считать, а свиток сжечь,

Вдруг сосед увидит руны
Настоятель шибко умный...
Не поймёт, о том и речь.
Что не понял, то додумать.
О, красиво расписал.
Жаль, что срок отпущен мал,
Есть предел ночам и лунам.
Под скребком пергамент стонет...
Исчезает правда-мать –
Просят лист переписать,
Князь придёт и узаконит.
Доводить главу до лада
Я сегодня не хочу.
Загашу ка я свечу,
Пусть пока горит лампада.

У РОДНИКА

*«Можешь заплакать, спокойно заплакать –
кто разберёт, где вода, где слеза...»
«Родник» Иеромонах Роман*

– «Броня крепка и танки наши быстры»
И вера наша в Сталина крепка.
Скажи зачем, являясь атеистом
Ты крестишься на храм у родника?
А по щекам твоим стекают слёзы...
И чтоб сказал, увидев это Вождь?

– Послушай, взводный, плачут тут берёзы,
А по щеке течёт обычный дождь.
За этот день мы столько потеряли...
За этот год совсем потерян счёт.
Я не крестился, поправлял медали...
А вдруг БОГ есть. Пусть наших приберёт.

ГРАД ПСКОВ

*Феофилактом византийским
В Царьграде Крест святой надписан:
«Воздвиглась Русь для жизни в Боге
Крещением княгини Ольги».*

Во Пскове юную Прекрасу
Князь Игорь встретил не напрасно.
Здесь первый ею Храм заложен
Трисолнечный во славу Божью.

Горит здесь ясным адамантом
Меч Нальшинайского Доманта.
«Нопогит теум небус даво» –
И принял город он по праву
Великой доблести своей,
На много славных лет и дней.

Им побеждался иноверец –
«Корела, Чудь, Литва и Немець».
Роднее ж не было для Пскова
Его могущества святого.
«Кто стар, отец мне. Кто же млад,
Да будет мне названный брат».

Ждет град Довмонтов Воскресенья.
Пред ним, как старцы Откровенья,
Вкруг храма Троицы Святой
Стоят дворцы сплошной метой.
Дворцы Небесного Царя,
Где день и ночь часы творят.

Мечом Довмонта-Тимофея,
Виденьем старца Дорофея
Оплот стоит Единоглавья,
Омега, Альфа Православья.

ПРЕД БИТВОЙ

Фрагмент поэмы «Димитрий и Евдокия»

Сотни ратных прошедши дорог,
Ведал зна́мения Дмитрий Боброк.
Ночь сгустилась. Туман и роса.
Было тихо. Теплы небеса.

И Волинец меж станов меж двух
Напрягал свой испытанный слух.
Только Дмитрия взял он с собой,
Чтоб узнать, что готовит им бой.

И ланитой десною приник
Он к земле, чтобы тайный язык
Распознать по дрожанью ее
И разведать, что завтра их ждет.

Будто клекот и плеск лебедей
Подымался навстречу беде.
Гром разнесся и смолк вдалеке
На Непрядве и Смолке-реке.

«Словно конница бросилась вскачь,
Грай вороний и волчий там вой,
Жен татарских безудержный плач», –
И, приникши к земле головой,

Продолжал испытанье примет:
«В стане русском злозна́мения нет.
Мно́го русских в той битве падет,
Но Мамай пораже́ние найдет.

Войску, княже, не до́лжно то знать.
Силен Бог, чтоб Своим помогать.
Пусть себя осеняют Крестом:
Он оружье в сражении том».

ВОСКРЕСЕНСКАЯ СЛОБОДА
(диптих)

1.
Дарит чудо древний Новоград,
Сказку-быль, что Волхов нашептал.
Половодьем мир ночной объят,
В звёздочках весенних краснотал.

Студит ветер – северный гонец –
Полуостров, что залит водой.
Проплывает лунный каганец
По-над Воскресенской слободой.

Слобода не скроется в ночи –
Там любовь небесная живёт:
Две церквушки, словно две свечи,
Рядышком стоят на глади вод,

И восходит Невечерний Свет,
Небо наполняя глубиной.
Возликуйте, люди!
...Только нет
Купола у церкви одной,

И ютятся голуби внутри,
И на дне речном колокола...
Но укроет мягкий свет зари
Каменные гулкие тела –

И печаль растает без следа.
Зазвенит лазурь над головой.
Красно к воскресенью слобода
Вербою украшена живой!

Диво дарит славный Новоград:
На границе неба и воды
Церкви две как будто бы парят –
Чудо Воскресенской слободы.

2.

Мир беззвучен. А душа – звенит!
Тыщи струн – в мерцающий эфир...
Из-под снега – твердь могильных плит
Вновь весну являет в бранный мир.
И как будто сотни лет назад –
Добротой немеркнувшей из тьмы –
Иоанна милостивый взгляд,
Изумлённо-светлый взор Фомы*, –
Чтоб согрелись корни новых трав,
Просветлели глубины стылых вод.
Потому что, смертью смерть поправ,
Солнце Правды над землёй встаёт.

* * *

Погибших помянут солдат,
За День Победы выпьют стоя,
И имя Родины святое
В который раз благословят.

Старик возьмёт букет гвоздик
В одну единственную руку...
Он в жизни плакать не привык,
Но по войне – ему и внуку,

Танкистам двум. Их жизнью свет
Усилен огненным ударом:
Горел под Сталинградом дед,
А внук горел под Кандагаром.

В альбоме фото рядом их.
Похожи юные солдаты:
Один седой – с сороковых,
Другой седой – с восьмидесятых...

СМОЛЕНСК

(триптих)

* * *

На берегах Днепра порой весенней,
Преодолев распутицу и холод,
Отважных кривичей возникло поселенье.
Расти, Смоленск, славянский новый город!

И город рос на зависть злым соседям,
Растил детей и строил терема.
И сила русского богатыря-медведя
Сводила неприятелей с ума.

Путём прельстившись «из варягов в греки»
Литва подмяла город под себя.
Года текли, как медленные реки...
Терпи, Смоленск, и пленным Русь любя.

Чтобы враги дорогу к нам забыли,
Чтоб город-ключ не отдавать в полон,
Наш град стеной могучей окружили.
Держись, Смоленск, ты всей Руси заслон!

О, эти стены мужества и воли!
Друзья их славят, но трепещут галлы.
О, город-страж! Твоя почётна доля,
Здесь люди неприступны, словно скалы.

Россия и Смоленск разят врагов,
Стирают в порошок, как с наковальной молот!
Навеки у днепровских берегов
Сияй, Смоленск, великий русский город!

* * *

Город Героев – Смоленск величавый!
Русская доблесть, всемирная слава:
Гагарин, Егоров, Меркурий Смоленский –
Вечная память, подвиг вселенский.

Город-Герой – щит Москвы златоглавой –
Путь преграждает к сердцу державы

Лютым врагам. Во все времена
Насмерть стоит крепостная стена.

Город Героев! Город-Герой!
Свет золотой над Соборной горой.
Наша заступница – Мать святая
Нежно детей своих благословляет.

Тихо качаются липы и клёны,
Город любимый, мирный, зелёный...
Смех детворы и невесты все в белом,
В радости жить – привычное дело.

Люди и город слились воедино,
Как воздух друг другу необходимы.
Славься, Смоленск, мы гордимся тобой,
Город Героев! Город-Герой!

* * *

«Дух несгибаемый всё превозможет!» –
Надпись гласит на гербе.
Древний Смоленск, мать-история сложит
Гордую песнь о тебе.

Слышно в ней будет лесов колыханье,
Всплески днепровской воды,
Спящих младенцев святое дыханье,
Горькие слёзы беды.

Ворогов лютых гортанные крики
И ликование побед...
Русских святых аскетичные лики –
В души струящийся свет.

Жгли наш Смоленск литовцы, поляки,
Гитлер и Наполеон.
Птицею Феникс из пепла и мрака
Вновь возрождается он.

Сколько напастей он выдержать сможет,
Замертво чтобы не лечь?
Дух несгибаемый всё превозможет –
Нужно Россию сберечь!

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Между прошлым и будущим
Жизнь, как ниточка тонкая,
Отложил Ангел дудочку,
Раскрутил веретёнце и...

Льёт водица на лопасти,
Жернова крутит мельница,
Жизнь течёт...

а у тополя
Пух куделькою стелется.

Собираю в года свои
Невесомое крошево,
Сколько было в них разного!
Много ль будет хорошего?

До муки перемолоты
Зёрна времени тщательно
Хлеб ржаной, да на солоде,
Буду печь обязательно.

Тесто круто замешано,
Жар в печи занимается,
Знаю, Господи, грешная,
Даждь мне время покаяться.

ПИР СОЛНЦА

Пируя, солнце растит пустыню,
Сжигая зелень травы нещадно,
Колодцев чаши глотает жадно.
Порукой ветры ему отныне:

Хамсин, Сирокко, Самум – их много
Названий огненных суховеев,
Они, от власти своей хмелея,
В слепом азарте играют с Богом.

Перебирая, как чётки, кости
Когда-то заживо погребенных,
Ветра и сами подвластны тлену –
Барханы рыжие им погосты.

Шуршит колючка. Скелет белеет.
Змея рисует зигзаги ленты.
Пески слагают свои легенды
О тех, кто выжил и был смелее.

Но пир не вечен. Во власти лени,
Подобно бабочке на булавке,
Светило блекнет и день в отставке
На раскалённом рисует тени.

ПОЧТИ ФИЛОСОФСКОЕ...

или размышления на тему «Что бы это значило?»

Что означают яблоки в саду
упавшие от спелости до срока,
осенний ветер, воющий в бреду,
о доле быть бродягой одиноким?

Зачем растёт ракита у воды
склоняя до земли тугие ветви
и чем плетёт паук из суеты
прозрачные, невидимые петли?

Как объяснить чарующий рассвет
и блики солнца на пожухлых листьях,
способность помнить радость прошлых лет
в гербарий, между строк, слагая мысли?

Что значит улыбаться по утрам
не зная ничего о днях грядущих,
беду делить с родными пополам
молитву вознося за хлеб насущный?

Имея море – каплей дорожу,
листом скольжу по водной глади зыбкой,
в ответах на вопросы – просто жизнь,
бесценная, как мамина улыбка.

СКОМОРОХИ

Скоморохи – ахи-охи,
Сказки, пляски, бубенцы.
Забубённые дороги
Заведут не в те концы.

Поп смущён: нечистой силы
Подступает бесов рать.
Ахти, боже, до могилы
Всех грехов не сосчитать.

Пляски, сказки балагана:
На Петрушку зрит народ.
Кто-то трезвый, кто-то пьяный,
А потом – наоборот.

Что там молвлено о княже?
Перемат под бубна стук.
Лоб крести от силы вражьей.
Жадно ждут петля и крюк.

Уноси портки подале.
Ката кнут целует в хлёт.
Всё ж копеечку подали
От своих сиротских слёз.

Ну, теперь гуляй, рванина!
Для вдовиц – полночный рай.
Кто крадётся вдоль овина?
Ноги в руки – и давай!

А не то в холодной яме
Позабудешь, кто ты есть.
Вытащат вперёд ногами,
Закопают где ни весть...

И трещит, трещит кустарник.
Логом, лесом – и айда!
Тащат младшего за шкварник.
Ох, нелёгкие года...

* * *

Огород мой очерчен оградой,
Геометрия даже в глуши.
Только что-то соседи не рады
Обелиску советской души.

Отчего-то недобро и строго,
Словно снайперы, в окна глядят.
Я, наверно, ошибся дорогой,
Воротившись лет 20 назад.

Было время: хлеба колосились,
Тракторов тархтел караван,
На телегах траву вёз на силос,
Или что там прикажет Госплан.

На конторе портрет бровеносца,
И цифирь на щите про надой.
«Пред» Козлов мелко-мелко трясётся,
Но упорно твердит: «Пьянству – бой!»

Вот комбайны, как мамонтов стадо,
Средь полей разбрелись молотить.
И казалось, что лучше не надо!
И казалось бы, вечно так жить!

В небесах совершилось движенье,
Время вздрогнув, ударилось вспять.
Спрессовались века до мгновенья,
Выпал жребий Руси – вымирать...

Тракторов и комбайнов – всех вместе
Только кости ржавеют в полях.
Оказалось, конягой уместней
На кладбище свозить русский прах.

Оттого-то соседи недобро
На пришельца глядят сквозь стекло:
Погибоша мы все, аки обры.
А тебя-то чего принесло?..

* * *

Жили три старухи на селе.
Жили-были, беды бедовали,
Квашеной капусте на столе
Радовались искренне, бывало.

Комарихе – восемьдесят два.
Муж бил смертным боем, сын уехал.
Раз в два года денег на дрова
Присылал, да письмецо в утеху.
Митрофаниха едва жива,
Но на грядках – огурцы рядами.
Вдоль забора скошена трава,
Вымыт пол в избе под образами.
Третья и совсем не помнит год.
Мать родила девку в чистом поле.
Взвыл под облаками самолёт,
Вытолкнув младенчика на волю.

Обожаю этих женщин взгляд.
Ласковый, прощающий невзгоды.
Похоронки на троих лежат
У Петровны на резном комоде.

* * *

Мой город умирает не спеша,
С молитвой покаянной на устах.
Без суеты, истерики, стенаний...

К чему они? Всё прошлое – в былом,
А будущее знать дано немногим.
Уже давно мальчишки босиком
Не меряют вёрсты на лесных дорогах.

Мой город умирает. Чья вина.
Что крепостные стены стали ниже?
Я знаю только, что, случись война,
Мы вновь пройдем Европу до Парижа.

* * *

А ведь нам говорили, что мы – дураки,
Не для умных устроена эта преграда:
На другом берегу пресловутой реки
Ожидает пустыня античного ада.

Ну и что, зазывали вперед смельчаки,
Ну и что, вот поток, за потоком – свобода.
Пожелай отпустить ободочек чеки
И черпай, сколько хочешь, нектар небосвода.

Нам свобода – награда! Награда за что?
Это песнь и молитва; и цель и причина.
Тяжело излечить отравление мечтой,
И шальную «свободу», что с нами случилась.

Как всегда, Достоевский (опять «Идиот»),
Чтобы русский был понят, примите мельдоний.
И ушедший в туман, хоть куда-то придет.
И умеющий плавать – однажды утонет.

Был оценен фальшивой монетою труд,
Чем быстрее, тем дальше бежали недели.
Или смерть не красна, или тесно в миру,
Только небо – отдельно и люди – отдельно.

* * *

в пустоту обращаются старые гаражи,
только там всё ещё мужики говорят «за жизнь»,
только там всё ещё тёмной ночью горят огни.
хоть дома и стоят, но фундамент давно прогнил.

магазины стоят, только цены несутся вверх.
люди ищут любви... (я, наверное, не из тех).
если ты утонул, значит всё же куда-то плыл,
люди ищут добра, но фундамент давно прогнил.

люди строят дома, но они не для нас с тобой,
нам, как нищим, пристанище – где-то на мостовой,
люди ищут любви, но приходят за гаражи,
если чешется грудь, значит старый порез зажил.

если долго стоять, можно вдруг обратиться в столб.
все мои корабли разбиваются об атолл,
твой отчаянный плач – это песня нейтральных вод,
если чешется грудь, значит что-то ещё живёт.

* * *

я не смотрю вперёд, мне проще смотреть на что-то.
грозно сказал учитель – «Надо играть по нотам!»,
в ноты смотрю, но только мимо играют пальцы.
можно играть без звука, можно играть в скитальца.

можно играть Шопена, или же сбацать Мурку,
в принципе с этим делом справится и шкатулка.
дома шкатулок много, пыль образует саван,
где-то хранится детство, где-то на дне на самом.

в детстве живут моменты разных совсем окрасов,
вон, чуть пораньше, серый волк говорит мне «Здравствуй!»,
в этот момент детства надо играть по нотам,
где-то – повеселее, здесь же берёт зевота.

надо играть плавнее, надо играть легато.
рядом гундосит скрипка, а за окошком – трактор,
гроздью висят восьмые в книжке на нотном стане,
только лишь ключ скрипичный ставится между нами.

только лишь ключ скрипичный мне открывает двери,
только Шопен и Мурка – просто, на самом деле.
позже скажу – «Ну, хватит! К чёрту все эти ноты!».
я не смотрю вперёд, мне проще смотреть на что-то...

* * *

не король, а валет бубей
в этом мире игральных карт.
не скорблю о скупой судьбе,
из купе ухожу в плацкарт.

в мире пьяниц и дураков
если выиграл, то проиграл,
и опять блефовать готов,
на удачу хлебнув сто грамм.

но воркуют всегда вокруг
королевы и дамы пик.
их единственный верный друг –
это сложно, но я привык.

к ним потянешься – не достать,
вроде близко, но далеко.
отдохни, досчитай до ста
и разбей этот снежный ком.

спрячусь в коконе лживых фраз,
но не стану внутри пустым.
не приходится раз на раз –
в рукаве ещё есть тузы.

* * *

Не страхом единым, а солью из пор
Сочится усталое лето.
И солнце стреляет, контрольным, в упор
В больные глаза человека.
И пятнами хаоса, неба кусок
Опуститься на переулки.
Тогда остаётся последний бросок,
Как эхо, протяжный и гулкий.
И где то, на самых задворках земли,
Любовь отзовётся печалью.
Как колокол, сердце натужно звенит,
Как в церковке привокзальной.
И Слово едино, как вкус молока,
По каплям к столу прикоснется.
И долгой дорогой сольётся строка,
И к сердцу с улыбкой пробьётся.

* * *

Я не помню тебя, что то память подводит, а лица,
Расплываются дымом, над этой, печальной землёй.
Я взмываю душой, я лечу над землёй словно птица,
И прощаюсь со всеми, но в сущности только с тобой.
Без торжественных фраз, без звучания траурных маршей
Совершенно свободен, готов на прощальный аккорд.
Голос тихо звучит, и вот это особенно страшно,
Словно где то зарыли безобразно оструганный гроб.
Закрывали по комнатам, пили хмельные напитки,
Говорили о жизни, считали прошедшие дни.
«Ни страны, ни погоста», лишь безмерно больные улыбки.
От любви до печал, мы отсчитывали шаги.
Барабанная дробь на небрежно сколоченной сцене,
Как то очень похожей, на эшафот,

Жизнь скрывается в ванной, покрытой строительной пеной.
Это жизнь? Это только её эпизод.
Отдаленная часть, пролетая без остановок,
Приблизительно так, как когда-то хотелось забыть.
Жизнь пытаюсь прожить, без особых поломок,
И хотя бы в ответ, полюбить, полюбить, полюбить.
Я не помню тебя, что то память подводит, а лица,
Расплываются дымом, над этой печальной землёй.
Я взмываю душой, я лечу над землёй, словно птица,
И прощаюсь со всеми, но в сущности только с тобой.

* * *

Посвящение А. Ахматовой

Сжимаются легкие в шарик бумажный
Разлукам твоим вопреки
Ты помнишь родная так было однажды
В истоках Великой реки
Звучало печалью далекое эхо
Как камни у самой воды
Уехал уехал уехал уехал
И следом уехала ты
Теряясь в размытых дождливых дорогах
В придуманных наскоро снах
Усталый потомок дворянского рода
Терялся в чужих городах
Читая страницы растерянной жизни
Не видя ни смысла ни слов
Он зубы в бессилии судрожно стиснет
Под пение колоколов
А воды текут под себя подминая
И встречи и слезы и кров
Ты помнишь так было однажды родная
Под пение колоколов

**ИСТОРИЯ ПОЭЗИИ – ПОЭЗИЯ ИСТОРИИ:
30-Е ГОДЫ, ВЗГЛЯД НА ПИСАТЕЛЬСКИЙ МАЙ**

У облаков – забег табунный,
За ними тучам не поспеть.
В Париже пишет повесть Бунин,
Не позволяя сердцу тлеть.

Булгаков мыслит Маргаритой,
Пилат кропает приговор,
«Собачье сердце» ловит ритмы,
Ведь Шарик ищет свой забор...

В ручьях весна приносит темы,
В ведре – берёзовик-хрусталь.
Ваяет Симонов поэму¹,
Прочтя «Как закалялась сталь».

Гуляет май Угрой² счастливой,
Михвас³ Катюше песню спел,
Белее белого налива
Та шаль, что Кате он надел!

И у Твардовского в колхозе⁴
Бежит тепло по бороздам,
Грачи, чернее куч навозных,
Наделы делят: – Не отдам!

Чугунны клювы. Блестящи перья.
Зенит восторгами звенит:
Скворцы справляют новоселья!
...И Сталин трубкою дымит...

¹ Речь – о поэме «Победитель» (1937 г.), посвященной Николаю Островскому.

² Угра – река на малой родине М.В. Исаковского во Восточном районе Смоленской области, на берег которой выходила Катюша.

³ Михвас – постоянное дружеское обращение Александра Трифоновича Твардовского к Михаилу Васильевичу Исаковскому.

⁴ Имеются в виду произведения А.Т. Твардовского: повесть «Дневник председателя колхоза» и поэма «Страна Муравия».

АНТИБИБЛИЯ

из цикла Слово о Книге

В наркомовских промозглых лагерях,
Где псы из злобы, а земля из стали,
Где не страницы торы начертали,
Где Моисей не разбивал скрижали
И Ерихон не рушился во прах,

В порочный путь промерзшею тропой,
Простив своим мучителям метели,
Забыв пиры и пышные постели,
Брели останки тех, что уцелели,
Чтоб тенью стать до встречи роковой.

Но пали палачи и в свой черёд,
Сменив на дёрн московские прописки,
Неспешно уходили по-английски
На вечный срок без права переписки,
Спасая тех, кто после них придет.

И эхо эха, замыкая круг,
Услышало – люби и будь любимым –
Ответило – гони и будь гонимым –
Добавило – суди и будь судимым...
И злою птицей вырвалось из рук.

ЗАКОН

Под штукатуркой пыль
давно прогнивших стен
и крыса вьёт гнездо
в груди атланта,
что держит на плечах
балкон и потолки.

На сцене лицедей,
под маской музыканта,
не выпуская кукиш из руки,
играет на расстроенном рояле.
Из зала жадно смотрят кошельки
и ждут того за что гроши отдали,
но с потолка сползает указание:
– «Поднять в глазах толпы
заплёванный балкон!»
и лицедей поёт
о светлом, крепком здании,
которому название

ЗАКОН.

В седьмом ряду
оратор, стиснув зубы,
указывает жестами на дверь,
что ржавыми,
пудовыми замками
закрыта дураками
изнутри.

Снаружи кулаками,
кто-то грубо,
стучит и воет словно дикий зверь.
Повсюду мыльные летают пузыри.
Пускает их раздутый, важный дядя,
что восседает в центре потолка.
Толпа скандирует
пустой идеи ради,
чеканит шаг
и славит паука.

СЕДОЙ СТАРИК – ЗИМА МОЯ

В тени пылающих знамён
я не один, – со мною двое;
Старик и мальчик в чистом поле,
где горизонт, цветущий лён,
сливаясь с небом, укрывает
от старых, утомлённых глаз.
Ребёнок, словно в первый раз,
взор поднимает в облака
и видит красные полотна;
Их держит грязная рука...
Под этим занавесом, плотно
укрыто солнце. Я смотрел
на те, скользкие фигуры;
Как весело шагал пострел
и плёлся, взгляд понутив хмуро,
то, удаляясь от меня,
то, снова рядом появляясь,
седой, лохматый бородач.
И каждый раз, в разгаре дня
с небес свисающий кумач,
мне заслонял их силуэты.
И раздавался детский плачь,
весны оторванной от лета.
Седой старик – зима моя,
с мальчишкой растворились в поле.
Один, как соловей в неволе,
под вечер оставался я.

ПАМЯТИ НИНЫ УЛЬЯНОВОЙ

Людам душу добрую отдать, –
Девочкой стучалась – не открыли.
Стопами копилась благодать,
Покрываясь толстым слоём пыли.
Девочкой бродила у реки,
крики чаек в строки заплетая,
но кричали чайки улета –
душу, разрывая в лоскутки.
Нина строчки в строфы собрала;
С вольным ветром в поле поделилась,
И душа ее не умерла,
Просто где-то рядом притаилась.

ФРОНТОВОЙ ШОФЁР

Незаметным героям войны посвящается.

В бушлатике убогом,
Не мыт, не брит, не чёсан,
По фронтовым дорогам,
Накручивал колёса.

Метался меж разрывов,
По грязи колесил,
Один, от войск в отрыве
Снаряды им возил.

Полуторка родная,
Кабина в решето,
Везёт от ран стоная,
Чего-то там в ничто!

Судьба у нас такая:
Нельзя, вот так, устать,
И борт мне, громыхая,
Кричит: – Не спать, не СПАТЬ!

Который год в кабине,
Среди воронок, мин,
Мы всё же прикатали,
Весенним днём в Берлин!

И всё же: Прочь сомненья!
Герой! Хоть на груди колодкой,
Лишь лычки за раненья,
Одна медаль – сироткой.

ВОЙНА – ЭТО ПРОСТО РАБОТА

А война – это просто работа,
Труд тяжёлый, подчас выше сил.
До мозолей, до крови, до пота,
И пощады ты в ней не проси!

Там пешком, по грязи, километры,
Камнем груз на уставших плечах,

Лютый холод и знойные ветры,
Нету сил уж совсем, замечать.

Там роднее кайло, не винтовка,
Им до стона натружены жилы,
И солдата не пуля-плутовка,
А усталость на землю валила.

В промежутках на смерть, не на жизнь
Бить врага ещё было заботой,
Слышь, браток, ты чуток продержись,
Ведь война – это просто работа...

АНГЕЛЫ

Тихо скрипит под ногами снежок,
Давит мороз полуголые плечи,
Вот уже домик...и рядом стожок,
Двери открыты, не топятся печи.

В спинку так больно толкнул автомат,
Речью чужою забиты все уши,
Бранью немецкой исходит солдат:
В дом набивает невинные души.

Чёрным, удушливым дымом пахнуло,
Будто сгоревший в печи каравай,
Несытая смерть вновь косою махнула,
Чтобы собрать страшный свой урожай.

Только в дыму что-то ярко блеснуло,
Раз...и другой...вот, сиянье уже!
Ангелы, ангелы в небо рванулись,
Путь завершая к бессмертной душе.

Ангелы светлые, в куцых пальтишках,
Многие просто обмотаны шалью,
Бывшие девочки или мальчишки,
Нынче же все одинаковы стали.

Смотрят теперь эти души сожжённые,
Смотрят на нас миллионами глаз,
Смотрят и детки во век не рождённые:
Памяти просят всего лишь от нас!

ЛЕНИНГРАД

Белые кресты на чёрных окнах,
Белые кресты лучей на небе,
Чёрные кресты, как обереги,
Сварены из рельсов на Обводном.

Чёрные кресты в домово́й книге,
 Baltenkreuz на крыльях бело-чёрный,
 Чёрный крест над городом воздвигнет
 Ангел Александровской колонны.

Снег сечёт, сечёт, сечёт штриховкой,
Накрест перевязаны платками,
Над могилами на Пискарёвке
Нет крестов. И в землю врыта память.

ОБЕЛИСК

Не начертано твое имя
На скрижалях братских могил,
Какою смертью и где ты погиб –
неизвестно.
Но и ныне

и присно
Будет память моя тебе обелиском.

Утренний иней сизый
пеленой погребальной укроет
героя
ненайденного.

И на грудь его возложат осыни
листьев бронзовые ордена...
Что ж, дорога последняя пройдена.
Место захоронения – родина,
Россия.

По дворам сожженным метель завоюет,
Заголосит безутешной вдовою,
И наплакавшись вдоволь, вволю,
Светлый гроб приготовит воину.

А из купола неба луна льет
Серебро, дав отныне обет:
Вместо свечи поминальной
Вечно мерцать о тебе.

Зарастет в полях иван-чаем война,
И весна снова вспыхнет победой,
Зазвенит, словно жаворонок, капелью,
Панихидою... нет, колыбельной
о тебе, неотпетом.

Поверь, это даже лучше, что не по кладбищу –
По твоей я иду земле,
Где тебе, пропавшему
без вести, самые первые ландыши
Робко положит
у изголовья
весенний лес.

Пусть же летнее солнце
зажжется
Над тобою вечным огнем –
Слышишь, солнце? Пылай о нем!

Ночью небо коснется земли
И озера звездами выстелют,
И овраги окутает
кудрями
облаков...

А наутро туман заслезится росами,
И тебя оплачет звенящей россыпью,
Поплывут над лугами светлые аисты,
Распахнув огромные крылья –
Крыла архангельские.

Спасибо тебе
за то, что теперь
Этот задумчивый край,
Этот рай земной
я называю своей
Родиной.

ЮНЫМ УЧАСТНИКАМ ПОИСКОВЫХ ОТРЯДОВ

Сколько нас полегло, мы не только земля,
Мы деревья теперь, мы ветвистые кроны,
Мы давно проросли, дали пищу корням,
Стали ветром лесным, стали бором зеленым.

Знаем, помните нас те, кто живы теперь.
Здесь окопы и рвы, здесь осколки снарядов,
Так же ржавы, как кровь, как минуты потерь,
Пусть и кажется всё позабыть это надо.

И мы слышим шаги, и мы ждем молодых
С беспокойными так же, как наши, сердцами,
Что найдут наши кости в болотах глухих,
И замрут, и заплачут сухими глазами!

Здесь не место высоким и пышным словам,
Лишь ,играя листвою, прошумит вольный ветер,
Как послание тем, кто наследует нам,
Пусть они и юны и почти еще дети.

И захочется им, не познавшим войны,
Вдруг постичь сквозь года, сквозь этапы забвений,
Дух защитников, гнев непокорной страны,
Пред врагами, не ставшей тогда на колени!

СОЛНЦЕ НА ЩЕКАХ

Взлетают вверх, как две синички,
Два ярких банта голубых!
Смеётся девочка, реснички
На солнце в брызгах золотых!

Пилотка с красною звездою.
И этот маленький солдат
Всё смотрит в небо над собою,
Туда, где шарики летят.

Цветы и фото, и знамёна
Несут, качают сотни рук,
Несут торжественно иконы
Победы нашей дед и внук!

И солнце заливает скверы,
Нарядных, праздничных людей!
Хватило нам любви и веры,
Святой причастности своей

К великой радостной Победе,
Что навсегда осталась в нас!
И каждый здесь её свидетель,
И каждый здесь её рассказ!

Пусть скажут: «Глупо, несерьезно,
Забыть уже давно должны» –
В нас навсегда остался грозный
Тот ветер яростной войны!

Мы слишком многих потеряли!
Мы тем страданием проросли!
Не троньте наших слёз, печали,
Все то, что вынести смогли!

И будет мир красив и звонок,
С веселой искоркой в глазах,
Как этот радостный ребёнок,
Не зная войн, где боль и страх!

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

По дороге, маршем строим,
Шаг, печатают полки.
Сотни вёрст, мозоля ноги,
Путь тяжёлый им пройти.

Будет голод Ленинграда,
Севастополь, Сталинград,
Все круги земного Ада,
Одолеет наш солдат.

И чеканя по брусчатке,
Главной площади страны,
Марш – «Прощание славянки»,
Слышат деды и отцы.

С хода в бой, передовая,
Прямо в пекло, за страну,
За тебя моя родная,
За любовь, детей, семью.

За родимые просторы,
За родную землю-Мать!
Дети славного народа,
Уходили воевать.

И была Победа в мае!
До которой долго шли...
Миллионы погибали
И в бессмертие ушли...

Эхом вторят отголоски,
Фотографий со стены,
Полк – бессмертный,
Полк – геройский,
Вновь на площади страны!

РАЗЪЕЗД САМОЗВОНОВО

У рощи зелёной находится холм,
Привычный пейзаж для деревни.
Идут сюда люди и дети из школ,
Весь склон утопает в сирени.

Здесь тихое место, простой обелиск,
Могила погибших героев,
Два взвода гвардейцев, стрелковых войск,
Сюда не пустили злодеев.

Осеннее утро, туман на версту,
Всё ближе разрывы снарядов,
Но горстка бойцов, держа высоту,
Осталась сражаться с армадой.

По Русской земле, сея смерть за собой,
Идут батальоны вандалов,
«Ни шагу назад!» – наши приняли бой,
Герои – достойные Славы!

Четыре атаки отбили стрелки,
На пятой пошли на них танки,
И метко бросали гранаты они,
Разя нападавших порядки.

Отважно сражались Отчизны сыны,
Сомкнув поредевшие фланги,
Две сотни врагов, там могилу нашли,
Пылали подбитые танки.

И вот всё затихло, окончился бой,
Их было всего двадцать шесть,
И верится мне, что «Вечный огонь»,
Зажжётся пылая в их честь.

Пусть время идёт и проходят года,
И жизнь начинается заново,
Но подвиг гвардейцев мы помним всегда,
Разъезд у села Самозвонovo...

* * *

Читайте античные мифы,
читайте германские руны.
Я правнук великого скифа,
сторонник иконы и куны.

Читайте английскую готику,
французов живое искусство.
А я разверну периодику
и вспомню советское чувство.

Читайте занудного Кафку,
читайте Фицджеральда-гения.
Я в тихую книжную лавку
приду и открою Есенина.

Цените израильских классиков,
узбекских поэтов цените,
а я на заброшенной пасеке
сожгу письма на иврите.

Читайте труды Фирдоуси,
эстонцев труды идиотские.
Съедайте философов Пруссии,
а я улету Маяковского.

Кого вы исследовать будете:
Боккаччо, Коэльо грамотно?
Меня под их бред не разбудите,
я выберу правду Шаламова.

Приветствуйте жизнь по фэн-шую,
молитесь наставникам-гуру.
Но прежде чем вникнуть в чужую,
свою изучите культуру!

* * *

Мы – поколение канатоходцев:
стоим некрепко, балансируем
на грани чёрных дыр и солнца,
на грани шалашей с квартирами.

Мы – поколение канатоходцев:
мы балансируем на грани
великих душ, заплёванных колодцев,
на грани счастья и земных страданий.

Мы – поколение канатоходцев.
Мы посреди поваленных столпов
стоим и всё равно смеемся,
сеемся у отеческих гробов.

Мы – поколение канатоходцев,
идём с опущенными вниз глазами.
Мы строим то, что точно разобьётся,
и рушим то, что строилось не нами.

РОДИНА

Моя память в тенях степей,
За ручьями, на диких полях,
Мои храмы пусты от людей,
Как скалы на вольных ветрах.

Над бушующим лесом заря,
Пряный сумрак от диких цветов,
Золочёных колосьев моря,
Пятна люпина костров,

Долины в сереющих травах,
Холодный и мокрый дерн,
Обжигающий легкие запах –
Дымящийся, тлеющий клён.

Моя родина в синих лесах,
Где цветут, обжигая, закаты,
Грай вороний чернит в облаках,
Как чернила на комьях из ваты.

Заковали в бетонных коробках
Наши искры из розовых дней,
Мне купили мечту в упаковках,
Но я лишь посмеялся над ней.

* * *

Жить, как в книгах, – просто,
Особенно как в книгах Буковски:
Достаточно пить.
И стараться не носить обноски.

Достаточно курить ежечасно,
Плохо танцевать чарльстон
И писать так же часто...

Хватит того, что живешь в коммуналке,
И забыть про колеса в пользу ног,
Чтоб не так часто вставлять в них палки.
Согласитесь, так каждый бы смог.

Достаточно спрятать чувства,
Глубже – в подкорку саморазрушения,
Чаще творить безумства.
Жизнь – это фильм в высоком разрешении.

Едва ли будет сложно в уродливом
Увидеть букеты цветов,
Быть не слишком угодливым,
Но и не снимать оков.

* * *

И если уйдешь на север,
я снегом под ноги лягу,
Где холодные волны бросает на старый маяк.
Я буду любить тебя,
словно море,
что любит Сантьяго.
Мне дорогу к тебе наугад скажет старый моряк.

Я дождусь и найду тебя точно,
Даже если тебе это в горле стоит комком,
Буду каждый день приходить – как приходит за завтраком почта,
Даже если мой голос тебе
совсем не знаком.

Не скажу ни единого слова.
Буду просто молчать и смотреть – видеть то,
что увидит не каждый,
Вокруг на песке – перебитая морем солома,
У залива промозгло,
темно
и страшно...

ГРУЗИЯ

Где горные хребты
Улыбкой ночи
Озарены,
И где, ища приюта,
Путник бедный
Наткнется
На заброшенную келью,
Среди холмов
И гибельных ущелий
Рождаются стихи.

Где брат за брата
Ждет отмщенья
Кровью,
Где, до остра точка
Свое оружие,
Хевсуры собираются в поход,
Где звери дикие
И страшная опасность
Повсюду ждет,
Рождается пиит.

Где соловей
Скрывается пугливо
В тени ветвей,
Где роза,
Что прекрасней
Всех цветов,
Его пленила,
Где дама ненароком обронила
Свой шелковый платок,
Рождается любовь.

ДОЖДЮ

Дождь рисует
Свою историю на моем стекле –
Тонкая и печальная работа.
Увы, ее нельзя понять,
Когда сидишь в тепле,
А он на улице – оплакивает что-то...

Стучит и просит,
Жалобно просит помочь хоть каплей,
Теплой, горячей.
Прости, дорогой,
Мне сейчас совсем не хочется плакать...
И ты не плачь.

* * *

Мое вдохновенье живет на зеленой аллее.
По ней я иду, улыбаясь случайным прохожим.
Они всё спешат по делам, и улыбка не греет
Их души. А я не хочу, не хочу быть на них похожей!

А мне бы бежать, ощущая холодный ветер,
И слышать стук сердца, и знать, что оно живое.
Я страстно хочу видеть счастье во всем на свете
И страшно боюсь стать случайной прохожей на Блонье...

МУЗЫКА САВКИНОЙ ГОРКИ

На Горке Савкиной что ж ныне?
Форпост бывшего над рекой.
Явись – и прошлое нахлынет:
Часовня. Крест. Погост. Покой...

Здесь слышишь музыку растений:
Вот пчёлка извлекает звук
Валторны зонтичных сплетений,
Над ними совершая круг.

Тут флейта – одуванчик быстрый
И лёгкий «ля» одел венцом,
Там клевер в шапочке лучистой
Раскрылся белым бубенцом.

Горошек рассыпает дробь,
Виясь сквозь времени туман,
И в вышине немолчный, строгий
Сосны раскидистой орган...

И, не тревожа предков тени,
Сойди с холма, не торопясь,
Наполнив музыкой растений
Сосуд души, благословясь.

МОЁ ОТЕЧЕСТВО

Меня простите, милые селенья,
За то, что мной вы не населены,
Что родина – не отчая деревня,
А сорок городов моей страны.

Не привелось учиться в сельской школе,
И даже в гости к бабушке в село,
К безудержным каникулам на воле,
Мои дороги детство не вело.

Но степь, земля, трава – полынь и мята –
Всё это в жизни душу обняло,
И пусть она, как Родина – разъята –
«Отечество нам – Царское Село!»

ПЕВЧАЯ

*Малолетней узнице фашистских концлагерей,
ныне певчей храма Казанской иконы Божией Матери
Клавдии Михайловне Семеновой*

Пела девочка в храме,
Пела чисто и звонко,
Было радостно маме,
Что растила ребёнка.

А потом и в гестапо!
Полицаи кричали,
Гнали пленных этапом,
Но певцы не молчали!

Их оружием смелым,
Их молитвой была,
Песня русская, вера,
Что к свободе вела.

Пела девочка в храме...
Да и нынче поёт!
Над Святыми Горами
Голос Певчей живёт!

* * *

*Памяти Валентина Януса, Псковского оператора,
погибшего в Грозном*

Мне знакомо лицо его в каске, с глазами гражданскими,
Что-то детское в них, что-то неуловимо цыганское...
Их дорога гнала плетью воздух тысячелетнего,
И сгорела до тла, раскрутившись до кадра последнего.

Как, скажи ты, сумел – в это пекло из мирного города,
От церквей, колоколен, всего, что любимо и дорого,
В мир, где вправду стреляют, и даже разбора не делают:
Кто ты – Бог ли ты Янус? А может, рискнул своим телом ты,
Чтоб другие тела сохранить для щедрот своей Родины,
Чтоб кому-то цвели еще пыльные гроздья смородины.

Да, конечно, мы все застрахованы, мы – застрахованы!
Словно ангелом ясным в младенчестве мы поцелованы.
Но стреляют и в нас как в мишень, и мы падаем замертво.
Да, такие живые насквозь, и, пожалуйста, замертво!

Сколько красного будет в полях – мы поклонники красного!
Но земля уже просто земля, а не Крым и не Запсковье.
И уже все равно там – какие туманы над Соротью,
Ведь осколком одним те туманы все начисто сколоты.

Это ж надо – вот так, на лету, свое время отвистывать...
«Он убил меня...», – так ты сказал. Он смутил тебя выстрелом!
Подстерег твою плоть... Но не знал он двуликого Януса!
Бога входов и выходов, Бога веселого градуса,
Бога солнца, дающего каждому свет исцеляющий –
Он не смог одолеть! Потому ты глядишь так сияюще...
Оттого и любовь и надежда в глазах, а не черное зарево...
А мы падаем рядом, живые, мы падаем замертво.

ДВА МАРШАЛА

Памяти первого парада Победы

Еще стоит над площадью московской
Невыветренный временем, накал...
Командовал парадом Рокоссовский,
А маршал Жуков рапорт принимал.
Один на вороном, другой на белом,
На белом, а второй – на вороном...

И вся страна салютом к ним летела
От стен Кремля – до всех ее сторон!

Все позади – и только марш Победы!
Он от Москвы летит во все концы...
По Красной шли живые наши деды,
А с ними – наши юные отцы,
Прошедшие с Москвы и до Берлина,
Они в себе Победу принесли...
И был парад тот длинный, длинный, длинный:
Война прошла – солдаты шли и шли...

Слились в едино лычки и полоски.
Был пламень губ, знамён и крови – ал.
Командовал парадом Рокоссовский,
А маршал Жуков рапорт принимал...
И до сих пор еще в своих мундирах,
Забыв принять простой гражданский вид,
Все принимают рапорт командиры
От тех, кто был убит и не убит.

Отцам Победы – век стоять на вахте,
Чтоб верил тот убитый рядовой,
Отдавший жизнь возле далекой Шахты,
Что всю страну он заслонил собой.
И пусть меняет армия мундиры,
Пусть будет мощен техники парад, –
Все принимают рапорт командиры,
На страже мира маршалы стоят!

Один на вороном, другой на белом,
На белом, а второй на вороном,
В одну живую плоть сливаясь телом –
С лихим конем, страною и Кремлем.
Чтобы слова о Доблести и Чести
Не оказались пущены с лотка –
Им век стоять на самом красном месте,
Где шли с Победой русские войска!
Завидууй каждый той стезе геройской,
Что в том святом строю не он шагал...
Командовал парадом Рокоссовский.
Парад Победы Жуков принимал.

КРЫМ

Дякую с должною увагой:
Крым обережен от войны.
С орлом российским сроднены
Республики свободной флаги.

Как уживались языки
И люди вместе здесь веками
Увидеть можете вы сами
По карте, если далеки
От полуострова. И книги.
Толстой, и Лермонтов, и Грин...

Страну традиций и руин
С Москвой связали не вериги,
А более земные зовы.
В туман закутан, а не в дым
По-прежнему прекрасен Крым.
Дожди и грозы не свинцовы.
Немного осложнён полив...

Не без имперского оскала
Пример Россия показала
Бескровных инициатив.
Назло завравшемуся Свету
Былое соединено.
С Чечнёй и Крымом заодно
Россия движется к расцвету.

* * *

Пути добра, пути тревоги.
Перед глазами новый век.
Когда со сцен уходят боги,
Выходит первый человек.

И мы, бывает, умираем
За Родину и за народ,
Конец свой называя раем,
Спасаясь в Божий огород.

Не сотвори себе кумира,
Летя на ложные огни,
В град обреченный. Даже лира
Не оправдает эти дни.

Поэзия – не только звуки
Для золота и серебра.
Она и то, чем дышат внуки.
Не потеряй пути добра.

ШКАЛА ОЦЕНОК

Если взглянете вы по ту сторону зла,
Или в зал для игры шахматистов,
Перед вами предстанет оценок шкала,
От влияния времени чистых.

Победителей судят, жалеют последних.
Приравняют к нулю отклоненья от средних.

Очевидно, различие в том, что дано
Богачу, бедняку, инвалиду.
Но сумейте найти потаенное дно,
И пути, неприметные с виду.

Не судите по жизни, судите по смерти,
И без спеха, без смеха успехи измерьте.

Как игольное ушко надоблачных врат,
Тень улыбки жестокого века.
От индейки судьбы незатейливый мат,
Получает духовный калека.

Проигравшимся в прах – на засыпку задание.
Испытать до конца неземное страдание.

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

Он присел на одно колено
И сказал: «Я устал, Елена!
Сколько можно меня так мучить,
Над моею смеясь бедой?

Я люблю Вас, я знаю точно!
Должен в этом признаться срочно,
Если Вы захотите слушать!
Лена, я не в ладах с собой!

Ваши руки, глаза и плечи...
Я скучаю, томлюсь без встречи!
Если б только Вы попросили,
Даже в тундру бы Вас увёз!

Я серьёзный, я не транжира –
Есть машина и есть квартира.
Я хочу, чтоб и Вы там жили!
С нами мама... И рыжий пёс...

Вы чудесны, Вы ангел, фея!
Я не сплю, я без Вас хую!
Не считайте любовь капризом,
Погасите в душе огонь!

Вы – Мадонна у Рафаэля,
Я умру за Вас на дуэли!
Лена, я человек с сюрпризом,
Я, Елена, Троянский конь!

Пусть не самый, но, без обмана,
Я исправлюсь, я лучше стану!
Не губите надежду снова,
Лена, сжальтесь же надо мной»

Он молчит. Затекло колено.
Улыбалась ему Елена
И ушла. Не сказав ни слова.
Лена с детства была глухой.

* * *

Гроза упала на Страну,
 когда не родились ещё
 ни я, ни те, с кем мы струну
так теребили горячо...

Там наши деды и отцы
в окопах бились и болели,
им пули вышили венцы,
отцы проститься не успели...

Но нам сложили на порог
две Памяти, одну – простую –
семейную... А вот, вторую –
такую, что – «не дай вам Бог!» –
к ней прикоснуться без причастья... –

 Жестока Память и права,
 но наших радостей и счастья
 Она возвращает жернова!

* * *

Тревожный звук и деревянный крест –
промокший полог, над костром парящий
и тёплый ливень, словно блавест
сквозь хвою и листву холодной чащи
так мягко, больно трогает мечты,
восторги лета, запахи и ноты,
что рушатся туннели и мосты,
но остаются каменные соты –
первичные ячейки бытия,
в которых тлеет свет неугасимый,
где варит щи голодная семья,
где жарит лето и морозят зимы...

ИСПИТЬ ПРИШЛОСЬ...

Мой дед погиб
В Победном, сорок пятом.
Могилка где-то, в Польше,
У села.
Он был всего лишь
Рядовым солдатом.
И мать меня
Пока не родила.

Он не сумел
Увидеть своих внуков,
Не покатал
Мальчишек на коне.
Упал на землю он,
Раскинув руки,
Да и остался вечно
На войне.

А в деревнях рыдали
Горько вдовы,
Шатаясь, шли
На поле, на покос...
О, где вы, где вы
Пряники медовы,
И шелковистость
Женских, русых кос?

Испить пришлось им
Горе полной чашей,
Хотя ни в ком
Ни капельки вины...
А у соседки нашей
Тёти Саши
Мужик пришёл
На костылях с войны.

БАБЫ

Пашут бабы на колхозном поле –
Не вернулись мужики с войны.
Радуются бабы тяжкой доле –
Сеять и пахать на мирном поле,
Разорённой ворогом страны.

Ходят бабы целый день за плугом,
Ширится от вспашки полоса.
Надо торопиться, уж над лугом
Жаворонков льются голоса.

Хлебушек посеять в сроки надо,
Дум других в помине нет у них,
Пашут бабы землю до «упада»,
До закатных красок золотых.

А потом, уставшие до боли,
Из полей гурьбой домой идут,
О земной не размышляют роли,
А поют. Ах, как они поют!

Всяк и все в округе затихают,
Слухом к песне льнут, как в стынь – к огню,
Бабы же за песней – отдыхают,
Копят силы к трудовому дню.

ПОСЛЕДНИЙ ВОИН

Затишье скорбно после боя!..
Земля сдвигалась, хороня
Живых и мёртвых под собою
Во время шквального огня.

Погибших рот солдат последний,
Крутя сигарку, сплюнул кровь,
На всех фронтах – без изменений,
А здесь атаки вновь и вновь.

Молчит сегодня батарея,
Темнея грудой у холма,
Где танки вермахта горели,
Как наши сельские дома.

Лежат в окопах– справа, слева –
Изрешечённые бойцы,
Над ними облачностью небо
Воздвигло белые кресты.

Убит Васильев-пулемётчик,
Не дописал письмо Петров,
Успев черкнуть жене две строчки
О том, что любит и здоров.

Сержант, отчаянный вояка,
Ещё хрипит и смотрит ввысь,
Куда взлетает быстрой птахой
Его оборванная жизнь.

Ползёт, сминая все преграды,
Бронёй обложенная смерть,
Чьи вновь нацелены снаряды
На исковерканную твердь.

Погибнуть – дело фронтовое,
И, в каску выложив кисет,
С гранатой встал последний воин
В свои неполных двадцать лет.

ВЕЛИКИЕ ЛУКИ

Крепость великолукская
Давних полна отметин,
Память великорусская
Здесь вобрала столетья.

Храмов белеют звонницы,
И колокольным хором
Славится Богородица
И возрождённый город.

Встав из руин со временем,
Он свой меняет облик,
Но что ни пядь – простреляна,
Что был ни шаг, то в подвиг.

С лютым врагом за Родину
В дни фронтового ада
Бились, вставая, воины
Малого Сталинграда.

Рвали ветра лиловые
Камни, людей и кровли.
Воды бурлили Ловати
И обгалялись кровью.

Нам завещав покрытые
Доблестью медальоны,
Спят в тишине под плитами
Павшие батальоны.

В мае, когда рождается
Утро в туманах низких,
Каждый тюльпан вздымается
Маленьким обелиском.

Небо великолукское
Мирно и бесконечно,
Сила великорусская
Древней России вечна.

ВСТАВАЙ!

Вставай, Святая Русь!
За русский дух опять
Придётся воевать –
Сражений помним вкус!

Врагов не перечесть,
Но предки били всех:
И нам их бить – не грех,
А заповедь и честь!

И может, не вернусь, –
Кровавый Правды цвет, –
Но ждёт Господь побед!
Вставай, Святая Русь!

ДОЖДИ

Я живу в старом доме.
Он не может никак решить,
Стоит жить ему,
или пора умереть.
Я живу в старом доме,
Продолжая его любить,
Но никто из нас
первым не хочет звать смерть.

Нас дожди бьют по крыше,
Проливая резные сны
На холсты времён,
как и столетия назад.
И на облаке вышит
Старый герб молодой страны,
И вода с небес
кровью рисует закат.

УЖАСНЫЕ ПРИВЫЧКИ

Никто картинно не вставал,
Не звал «За Родину!», «За Веру!»,
Поскольку враг стрелял умело
И жажду жизни укреплял.

И бились мы наверняка,
Сходясь в атаке рукопашной,
И мир крепили кровью нашей
На безразличные века.

Пляс на костях
И ничего я не скопил:
Ни злата и не серебра.
Возможно, Бог меня любил,
Но не встречались мы пока.

Гуляет по России чёрт.
В столице пляшут на костях.
И если что-то где не так,
Там чёрт кресты перевернёт.

Вокруг – убитая страна,
И одинокий саксофон:
Последний крик, последний стон,
И вот – убойная стена...

За жизнь никто не накопил
Ни злата и не серебра.
И, может, Бог нас всех любил,
Но не встречался нам пока.

Александр ПАЦОВСКИЙ
г. Всеволожск Ленинградской области

* * *

Я честь и краса полигонов,
Триумф изощрённых умов;
Одобен в самом Пентагоне
На страх и погибель врагов.

Я бог человеческих воин;
Присуще спокойствие мне;
И Марс бы смотрелся достойно
В моей многослойной броне.

Но блеск оркестровых парадов,
Ангаров прохладных твердынь,
Сменил я на треск канонады,
На солнце иракских пустынь...

Телами забиты проходы...
Вся площадь в дымах и огнях –
Огромное море народа
В цветастых восточных платках.

Ко мне пилигримов плеяды,
Слагатели од и баллад!..
Но люди, как будто, не рады,
И счастья совсем не хотят.

Не я ли восторгов достоин –
Откуда невежество в Вас?..
Но тот, кто отменно спокоен,
Уверенно давит на газ...

Подброшен неведомой силой,
Лежу, опрокинут на бок;
Заносит следы от разрыва
Горячая пыль и песок.

Растёт придорожная свалка,
Сгребаётся подле меня...
Горю, и себя мне не жалко...
Будь проклята эта война!

НАДЕЖДЫ И РЕАЛИИ НЕЗАЛЕЖНОЙ

Прелестны юные мечтанья!
Светла их трепетная стать...
Удел иных – будить страданья,
Цвести при них и увядать.

Европа... Старая Европа –
Горнило бюргерских сынов,
Соитье роскоши востока
С порфирой западных ветров.

Амфитеатры, бельведеры,
Изысков свежих Парфенон,
Шопена, Моцарта, Вольтера
Обетованный одеон.

Приют несбывшихся стремлений,
Химеры праздных крикунов,
Как оправданье преступлений
Во истребление врагов.

Чем безнадежней ожиданья,
Чем легковесней лепет слов,
Тем неизменно актуальней
Простая мудрость стариков.

Мечтанья их всегда реальней,
А всех важней теперь одна:
Как бы достойно, без страданий
Дожить до завтрашнего дня!

АССИРИ УРСА

Новый год... луна стеклянной шайбой
Сумрак бьет и сыплет блики в сквер
Опоздав... ведь хулиганов шайкой
Был подстрелен милиционер.

Плач жены: «Не верю, там ошибка...»
Вспомнив быль, чтоб в небыль шла тоска,
Офицерша, вздрогнув липой хлипкой,
Начинает детям свой рассказ.

Ваш отец-соколик, зорьвень алый,
Свой закал ничем не охладит...
В безоружных он стрелять не стал бы,
Хоть товарищ рядом, хоть бандит –

Брать живьем – их так всегда учили –
Не бывать карьере на крови –
Шел без залпа, весь в поту и в мыле –
Обманули... может быть, свои.

«Что же вам жестянка золотая?
Двадцать пять за службу» – думал он,
Но увидел дедушку с Алтая,
Что меняет ход и связь времен.

Я Ассири Урса – ты кто будешь? –
Я служивый... видишь, нездоров,
И старик тяглом из горна судебных
Вынул пулю, залечив бедро.

Раны нет, не порвана лампаса –
Было б так... вдруг – в дверь негромкий стук:
«Жив, пришел!» Да чтоб ты там остался
Рис простыл... испуг свёл пальцы рук.

Хлеб хоть съешь, ведь не сгрызешь медали...
Дети, кто же сделал оливье?»
Все молчат, но тут задребезжали
Золотые тяглы на столе.

РОССИЯ-ТРОЙКА. ШУТОЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Что русскому награда, то немцу – стыд и смерть,
И шведам – так же... с рыжиной всклокоченной
Они поморам нашим бзики, но лишь на треть,
А в остальном – как немцы, те же точно.

Не будем про банальность, мороз и алкоголь,
То знает ненец с хитрою прищуриной –
Соляра мерзнет в танках, но в абсолютный ноль
Растет в полях смородина Мичурина¹.
Давайте про ментальность, давайте про любовь:
Бьет время по свинье² казачьей палицей:
Немытый сын Европы, от черной мры³ рябой,
Теперь и от икоты прививается.

А на Руси всё то же – и бани, и стога
“Джакузи с ванной влагою делятся –
Подумал швед – наставлю своей жене рога...”
И – в Питер, за тургеневскую девицей.

Узрел в сети “Вконтакте” первопроходец наш
Образчик, что в “Фейсбуке” век не видывал:
Стройна и белокура – божественный типаж,
И Гоголь в нём, и музыка Свиридова.⁴

И за Россией-тройкой приехал к нам сюда,
Соврав зазнобе по мобильной рации.
Пошел к двору филфака – по голове удар,
Хруст в трех костях, ни кошелька, ни грации.

Знай, что Россия-тройка – не баба в неглиже,
Что, расхриставшись, ждет тебя на площади.
Забудь о модных чатах и схемах МЖЖ...
Нет – то мужик и три рабочих лошади.

¹ Черная смородина, выведенная в России в 50-х годах XX века, действительно может расти при абсолютном нуле

² Свинья – боевой порядок немецких рыцарей

³ Черная мра - оспа

⁴ У Гоголя есть знаменитый монолог о “России-тройке”, у Свиридова также есть одноименное музыкальное произведение.

ПЕРВАЯ ДУЭЛЬ

*Приехав на станцию Залазы, вдруг бросился
к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новоржева
в С.-Петербург некто г. Пушкин и начал после поцелуев с ним
разговаривать.*

Из рапорта фельдъегеря Подгорного 28 октября 1827 года

Эпиграммы поэту поэт не простил.
Вызывает к барьеру поэта поэт.
Полагаясь на волю небесных светил,
Начинают игру – примирения нет.

Пистолеты готовы, уже секундانت
Нервно сдвинув фуражку, отмерил шаги.
Долговязый стреляет в того, кто кудлат.
Пуля прочь удирает, никто не погиб.

По собрату обидчик и целить не стал,
Но поставила жизни на карту дуэль.
И удача воздвигнута на пьедестал –
Бесконечной не будет её ретурнель.

На почтовом прогоне, в сосновых лесах
Два поэта сойдутся лет десять спустя,
И обнимутся братья по музе, в слезах:
Та дуэль роковая – нелепый пустяк.

Но судьба призывает платить по счетам,
Исчерпала удача последний лимит.
Ждет Сибирь одного – он останется там,
А другой – долгозванною пулей убит.

ТРИ КАЗАКА

Ушел казак с Кавказа на войну.
В июле написал из Могилёва,
И годы нет вестей. Погиб? В плену?
Но мир ценою жизней отвоёван.

Казачий дух бездействия неймёт,
Недаром триста лет собирает силу.
И сын подрос, отправился в поход –
Искать отца или его могилу.
Речушка Бебря заросла трестой,

Но здесь, под Вязьмой, временем укрыты,
Солдаты разместились на постой,
Без панихиды сотнями зарыты.

Откинув покрывало сочных трав,
Простые люди с дерзостным настроем,
Работают, забвенью разорвав,
И возвращают имена героям.

Во благо, зная, и свечи расцвели:
Не отступив пред вражеской бронёю,
От куреня родимого вдали,
Он землю защитил и стал землёю.

Над полем воцарилась тишина,
И внук казачий, вставший на колени,
Не только деда вспомнил – имена
Защитников, чьи души тел нетленней.

Три казака на ближнем рубеже,
С друзьями и врагами – начистую,
Отринув смерть, которой нет уже,
Стоят, плечом к плечу, за Русь Святую.

РАТНИК

Этот ветер несет прокаленный песок,
в этот вечер свирепая свора
замыкает кольцо, и последний часок
мне остался в долине Фадмора.

Эти руки по локти, по плечи в крови,
их оружие пеплом покрыто,
эта свора пробраться ко мне норовит,
предвкушая безумие пыток.

Эти земли забыли за тысячу лет
величавой Зенобии речи.
По песку пробиваются, путая след,
будто волки, сыны человечьи.

Эти лица окутаны шарфами тьмы,
ятаганом ухмылка кривая.
Я стрелу посылаю – своим, за холмы,
и огонь на себя вызываю.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА БЕРЕГУ РЕКИ

...А черёмуха над Великой
как и в прошлом мае бела.
Слово древнее «поелику»
будто слышу...Нет, не была
беспросветной тьма вековая...
Да... Пылали века в огне...
Что сгорало в нём, я не знаю,
поелику негоже мне
расплетать старых снов косицы,
меж теней затевать раздор...
Мне бы только ушедших лица
разглядеть... И наперекор
всем ветрам и дождям забвенья,
опровергнуть веков уход.
Мне бы – к прошлому прикосновение,
лет былых разглядеть полёт:
«Годы-лебеди, долетите
сквозь прошедшее до меня
своей песнею подтвердите –
наша память сильнее огня...»
Пронесут меня годы-лебеди
над Шелонью, Ситней, Псковой,
и поведают были-небыли,
и поспорят с людской молвой...
Нам в Изборск... И во Псков... В Печоры –
чуду русскому там приют...
И в Святые – Пушкина - горы,
где и травы стихом живут...
...Живо прошлое, поелику
Русь бессмертна и даль светла.
... И черёмуха над Великой
как и прежде белым-бела...

АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ

Флаг моряков – полотнище-святыня,
Стяг – символ чести, оберег в пути...
Пусть никогда он вахту не покинет!
Вглядись в него, и взгляд не отводи:

Морей всех соль,
и всех ветров порывы,
восторг победы, поражений боль,
и синевы ярчайшие разливы,
и белизна – нет чище и светлей...
Беречь Россию – нет судьбы счастливей,
и берега родного нет теплей...

Под светлым стягом ты к нему вернёшься
и припадёшь к земле своей родной...
Опять приказ... Ты снова отзовёшься –
Андреев флаг развёрнут над волной...

И – в синеву, дышать морским простором,
бушпритом раздвигая окоём.
И быть в строю российского дозора,
не отступать в стремлении своём
идти вперёд, идти на зов родимый,
настойчивый, не молкнувший, живой,
века в народной памяти хранимый,
парящий, словно чайка над водой.

И нет родней Андреевского флага,
посланника России средь морей,
и нет для нас нигде превыше блага,
сквозь все шторма всегда стремиться к ней!

ПСКОВ, ТЫ УГРЮМОЕ СЧАСТЬЕ МОЁ

Псков, ты угрюмое счастье моё,
Гордая нежность,
Терпко-хмельное густое вино...
Старая крепость,

Чуткой прохладой манящая тень
Каменных кладок...
Запах в покоях уютных церквей
Томен и сладок.

Псков, ты лазурная, свежая гладь
Речки Великой,
Слава Кремля, святых пращуров стать,
Светлые лики...

Древний таинственный шёпот веков –
В летопись капля...
Псков мой таится в тиши берегов –
Серою цаплей.

Божия мать обнимет, любя,
Псков, твою древность,
В тёплой душе принимая тебя,
Как неизбежность.

СЕРДЦЕ ВЕЛИКИХ ЛУК

Когда смотришь
С центральной площади Великих Лук
На невысокий островок
В середине реки Ловать,
По которой в далекие времена
Проплывали корабли
Из варяг в греки,
Когда смотришь на островок
С теплым, ласковым
Именем «Дятлинка»,
ЗАБЫВАЕШЬ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ.
Как люльку, тихо качает мать-река
Маленький кораблик-остров.
С одной стороны от него
Спускаются с высокого берега к воде
Склонившие свои кроны
Старые, мудрые деревья.
С другой – по невидимой лестнице
Устремляется ввысь древний собрат
Дятлинка – величавый крепостной вал.
А небо! Какое удивительное небо
Над Дятлинкой!
С неяркими, но глубокими красками
С далекими, загадочными облаками...
Давно уже нет на кораблике-острове
Его высоких мачт –
Золотых церковных куполов,
Но никакие следы нашей человеческой
Жизнедеятельности
Не властны над тайной острова,
Вестника Вечности, сердца Великих Лук.

УГЛИЧ ГУСТАВА ШВЕДСКОГО

черный в рыжих подпалинах гончий пес жметя к боку моего коня
тусклым призраком город углич подымается из болот
на дворе где в палатах красного кирпича мне назначено жить
по приказу московского царя
двадцать баб одиннадцать мужиков ждут у каменного крыльца
прижимая детей похожих на паучков с костяными лицами и вздутыми животами
увидали меня обступают кольцом разом крестятся валяются в ноги
оживи наших деток
ты славишься как алхимист ты излечиваешь потяготу ломоту огневицу
но не смерть объясняю все делается по воле божьей
божьей воле можно и подсобить пришепечивают подобострастно
ты слышал ведь наш царственный господин от которого остались только кости
встал из мертвых костей оделся новой плотью
и теперь на москву идет с сонмом ангелов
я утрачиваю дар речи
оглядываюсь по сторонам нет ли где соглядателя
руки сами вытряхивают из склянки шесть пилюль от желудочной колики
со стыдом я их вливаю в маленькие рты
бог спаси тебя своей выдыхают благостно теперь можно и в церковь
и откатываются волной с просветленными лицами
до чего же доверчивый народ
до чего несчастный
в этом угличе

О ЗАГАДОЧНОЙ РУССКОЙ ДУШЕ

говорят бог любит смелых а еще бог метит шельму
из варяг ходили в греки из сигтуны и тронхейма
и по темным томным водам от норвегии до крима
шли дракары и шнекары к берегам второго рима
и тянулись следом кнорры под прямыми парусами
потому что лучше ссоры добрый мир пусть он с врагами
все не так конечно просто долог путь по узким руслам
и норманские руотсы постепенно стали русью
и поставили по рекам деревянные погосты
для купцов идущих в греки и назад в далекий осло
и освоились осели позабыли висбю с тромсё
но увы бог метит шельму генетическим юродством

ВРЕМЯ СХИЗМЫ

рисунок лезвием на бархатной зиме
косыми стяжками до самой горловины
залива змей по глинам по трясинам
по пустошам по всей онежской складке
то бишь по обетованной земле
там церковки как с лубочной доски
там обиходы сшитые в тетрадки
октаев полустертые листки
там мелкие бумажные цветки
и маленькие медные лампадки
иконы старой школы без затей
меднолитые с кроткими чертами
поклон до пола крест двумя перстами
из веры ничего не потеряли
схизматики лесных монастырей
привыкли к снегу к бархатной зиме
но церкви и дома теперь все это
лишь росчерк света быстрый росчерк света
когда я освещаю фонарем
руины их лежащие на дне
там под водой где рухнули в пролом
кресты и маковицы с голубцами
идут по стенам тени со свечами
я воскресенья мертвым с ними чаю
о как же тихо в царствии твоём

ДУЭЛЬ

Вас любили княгини,
И лелеяли маршалы, –
Молодых неразлучных дворян.

Вы владели латынью,
Шли тяжёлыми маршами
За Отечество, Веру, Царя.

Слово дерзкое с искры
Разгорелось до пламени...
Понимая, что обречены,
Оба встали под выстрел
После крёстного знамения,
Презирая судьбу и чины.

Коченея от вьюги,
Через рамку прицельную
Нарезными глазами стволов
Любовались друг другом
Пистолеты дуэльные
С расстояния в тридцать шагов...

Две дрожащие сабли
Снегом утренним хрустнули.
Жизни, смерти ли дёрнули нить?
Поединок объявлен,
Русский целится в русского,
И нельзя ничего изменить...

ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА

От Владимира – на Нижний –
В десяти верстах всего,
Под накидками из вишни –
Боголюбово село.

А направо – в междуречье –
Нараспашку всем ветрам,
Тихой радости предтеча –
Православный светлый храм.

Там, где Нерль впадает в Клязьму,
Среди травных покрывал,
Шаль надев из белой бязи,
Встала церковь Покрова.

Словно младшенькая дочка
Деревенской слободой
В голубом своём платочке
Убежала за водой
И осталась, и застыла,
Засмотревшись в зеркала,
На невидимых перилах
Рукотворного холма.

И когда разлив весенний
Прорывается в поля,
Словно в голые колени
Льдины бьют о цоколя.

И стоит она под солнцем
Над быстриною реки,
А вода всё льётся, льётся,
И рождаются стихи!

Но воспеть такое разве
Может скромный мой рассказ?
Там, где Нерль впадает в Клязьму,
Побывай. Хотя бы раз!

СВЕТ

Мир был другим, в нем было все возможно.
На службах по двенадцати часов
Бог к людям выходил неосторожно,
Показывая, кто он есть таков.

Вот истина – вся разом, как на блюде:
Он до вопроса им явил ответ.
И целыми селениями люди
Ко свету обращались, видя свет.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Теплый ночлег и прямая дорога –
Людам, поверившим в доброго бога.

В каждом дыханье своем они правы.
Ноги им нежут шелковые травы.

Каждый ручей им предложит напиться.
Станут им петь сладкозвучные птицы.

Ну, а поскольку о благе радеют –
С каждой минутой они молодеют.

Нету их деток прилежней и краше.
Ну а в дому у них – полная чаша:

Не переводится серебро-злато,
Вся в жемчугах у них красна палата,

С ними приветливы дикие звери.
Ибо запомни: дается по вере –

Кротким, доверчивым, преданным слугам,
А остальным – как всегда, по заслугам!

1962

Юность лета – июнь – миновала.

...Говорят, будет много черники,

А грибов на засолку – навалом –

Запрягай и езжай на телеге.

...Говорят, будет много пожаров –

От костров, дураков и окурков.

...Говорят, не к добру громяхают

В сушь-то этакую, как орехи

В гулкой чаше, бесслезные грозы.

(Ну, как молния в избу ударит.)

...Говорят, до войны-то бывало

Все село до трубы выгорало...

МОКОШЬ

Звезды – свечки частые,
Ночь стоит стеной. Мокошь седовласая
Вьет веретено.
Тихими напевами
Вечность – за сто дней.
Ей, рожденной в древности,
Все во всем видней:
Где подкинуть колоса,
Где дождем полить,
Где у жизни горестной
Перерезать нить,
Где зверька рожденного
Нарядить во плоть...
Счастьем ночью темною
Брызжет папороть.
Иль богатством полниться
Нашим кошельам,
Иль затопчет конница
Море ковыля,
Счастье ль к тебе ластится,
Горе ль как река, –
Ты у Вещей Матери
Вечно на руках.

1387

Морок пляшет во всю свою стать
В хороводе кружащихся стен,
Где в горячке металась мать
Умоляя о чем-то тень.
Ныл ребенок, трещали дрова,
Скрылся боженька в свой уголок,
Только птицами бились слова
О копченый глухой потолок.

– Смерть, позволь мне дитя спеленать!
Что без матери станется с ним?!
Ты послушай, ты – тоже мать
Сорока лихоманкам больным!
Смерть, взгляни – подгорает хлеб мой

И не кормлены козы в хлеву!
Ты ведь тоже хозяйка! Зимой
Укрываешь от хлада траву!
Дай мне мужу постынуть сперва,
Чтоб до срока главой не седел!
Ты припомни, ты – тоже вдова!
Медом пахнет ли вдовий удел?
Не от смерти, за жизнь я страшусь!
Но не сжалишься ты, хоть кричи!
Смерть, позволь, я хоть слово скажу,
Сыну, мужу и хлебу в печи!

О седмицу дворы все молчат
И бубонный над городом стяг.
Остывала под вечер мать,
А к утру – замолчало дитя.

ИЗ ПЕЧИ

Из печи тyani, из печи,
Да бородку, смотри, сбереги!
Доставай для ребят калачи,
Расстегаи и пироги!
Из печи тyani, из печи,
Не смотри, что так ярко горит!
Доставай-ка металл на мечи,
На шеломи и топоры.
Из печи тyani, да смелей:
Ядра литы и сложены в ряд
По князьям самозванным в кремле,
Да еще – по Берлину снаряд.
Из печи тyani, не глазей,
Жирный пепел срывается вниз.
Отыщи по коронкам друзей,
Чтоб во сне не стонать от их лиц!
На печи задержалась рука.
Кто б нас взялся за это стыдить?
Мы, поверь, проживаем века
При печи, как дитя при груди!
Коль торгует собой твоя мать,
А о вере насильник кричит,
Значит – время подарок принять;
Из печи тyani, из печи!

ВИЗАНТИЯ РУХНУЛА

Византия рухнула. Ты прости ей.
Ты не знал, как плохи её дела.
Быть непросто всё-таки Византией,
А она не так уж и подвела.

Сколько света было в ней, сколько света!
Но чужая зависть – всегда напасть.
Кто подумать мог на момент расцвета,
То, что ей однажды случится пасть?

Неспонтанна эта её спонтанность.
Без неё ты будешь и брав, и здоров,
Но она была для тебя, как данность,
И внезапно пасть не имела прав.

Защитить её не нашёл запала –
Сохрани дукаты, как талисман,
Ведь теперь, когда Византия пала
И Константинополь в руках осман,

Ни к чему рыдать о неповторимом –
Слава Богу, есть то, что нажито –
Ты, смеясь, любишь Третий Рим,
Хоть и знаешь: это уже не то...

Впрочем, что за дело нам до империй?
Это всё – учебник за пятый класс!
Ты силен, насмешлив, самоуверен,
Ты разумен, вечен и светлоглаз.

Да и я, бросаясь в перипетии,
Хочу – бессмертна и молода!
...А на месте рухнувшей Византии
Вырастают новые города.

КОЛЕСО

Вдоль разбитого бездорожья
Тихий бор, как зелёный щит.
Там пронзительно и тревожно
Колесо телеги скулит.

Там качаются кроны сосен,
Птичий слушая разговор,
И дожди проливные косят
Земляничных полей ковёр.

Там забытая деревенька
Утопает в густых садах,
И скрипит на крыльце ступенька,
И прозрачна в реке вода.

Там каурой худобой правит
Бородатый, весёлый дед.
Там нет страха и глупых правил.
Там июнь, и мне восемь лет.

НЕБО

Где-то, в невесомых облаках,
Солнце утонуло в тишине.
Небо – это древняя река,
Россыпь звёзд хранящая на дне.

Укрывая призрачный чертог,
Словно Лета вечная, течёт.
И едва ты сделал первый вдох,
Время начинает свой отсчёт

Дней твоих счастливых и других...
А когда растают голоса
Любящих, единственных, живых,
Ты уйдешь обратно – в небеса.

И поймёшь, как мир огромный мал –
Все к одной реке ведут пути,
Сколько бы дорог не выбирал.
Дважды в это небо не войти.

КРАСНЫЕ ЦВЕТЫ

Поглядите, как красиво! На холме, в еловой роще
Ярко-алые гвоздики шапки поднимают к небу,
Пробиваясь сквозь крапиву. Ветер облака полощет,
Клонит ветви куманики. Тянет дымом, свежим хлебом.

За холмом лежит посёлок, и сады в нём зеленеют.
Но цветы в лесу откуда, чья рука их посадила?
Елей траурных иголок покрывало здесь темнее.
Тихо скажет баба Люда: «Их сажали на могилах...»

Ничего уж не осталось – нет ни камня, ни ограды.
Заблудился солнца лучик на стволах в зарубках старых.
А цветы – такая малость! Но по древнему обряду
Всё живут в лесу дремучем, говоря: «Мы здесь недаром!»

И с холма они уводят, растекаясь по долине.
За гвоздиками последуй, вникни в их рассказ негромкий
О борьбе и о свободе, о нелёгкой той године,
Чтоб однажды всё поведать о войне своим потомкам.

ПОКОЛЕНИЕ

Кольчуги старой прочное плетенье
Поблёскивает за стеклом витрины.
Все говорят о новом поколеньи,
Что нет средь них богатырей в помине.

Мол, рядятся они в свои кольчуги,
На праздник собираются гурьбою,
Мечом бряцают в поле на досуге,
Но незнакомы с истинной борьбою.

Пускай же их сраженья – лишь потеха!
Чуть станет небо Родины темнее –
Глядишь, придутся впору те доспехи,
Что не один десяток лет лежат в музее.

И выступят тогда врагу навстречу
Все те, кто нынче в битвы лишь играет,
И подвигом себя увековечат,
Захватчиков мечом своим карая.

Ведь эти люди – воевавших внуки,
Кто знает, чем судьба их обернётся?
Так лучше пусть вытачивают луки,
И пусть война игрою остаётся.

ИЗБОРСКАЯ КРЕПОСТЬ

Вечер закрывает ставни, стал закат тусклей.
Шепчут, остывая, камни в тишине полей.
Ты прислушайся немного и узнаешь вмиг:
По велению Шелоги город здесь возник.
Камни правду всю расскажут: кто по ним ступал,
Как хранили стены стражи, укрепляли вал,
Стрелы острые ковали, но для дел благих,
И железным называли городок враги!
Городок сменил обличье и дома растут,
Старой крепости величье камни берегут.
Ты к свидетелю событий прикоснись рукой:
Камень бел и первобытен, а вокруг – покой.
Вспыхнет молния-знаменьё! Гром и птичий крик!
Снова тихо, но значеньем полон каждый миг.
Кажется, что камень дышит, солнцем напоён,
А затем вокруг по крышам разольётся звон.
Благозвучный, бархатистый, крепнет не спеша,
Он ликующий и чистый, как сама душа,
Поднимаясь птицей вольной, пропадёт вдали.
Этот звон не колокольный – звон самой земли.

ПЛЁС. ВЕРАНДА НАД ВОЛГОЙ

Стала парком гора Соборная:
Заросли крепостные рвы.
Обвивают тропинки торные
Каждый склон и лежат как швы.

Спуск от церкви до бывшей мельницы
Стал слободкою рыбаков.
Банный дым за заборы стелется
Убегающим молоком.

Каждый дом – деревянным кружевом.
На веранде – узором пар:
Собирая семью за ужином,
Закипает царь-самовар.

Лает пес и кудахчет курица.
Долго тянется в небеса
Аромат над булыжной улицей –
Сок малины кипит в тазах.

Возле пристани – в накрахмаленных
Двухэтажных особняках –
На балконах садятся барыни
Посудачить о всем слегка.

Теплоход приплывает издали:
Он дымит, и похож на печь.
Для туристов у белой пристани
Продается копченый лещ.

Хохлома на столах – сервизами;
И плывут за лесной рубеж
Облака цвета каши рисовой:
Прямо ложку бери, да ешь.

ВЕЧЕР ПОД СУЗДАЛЕМ. ДОМОНГОЛЬСКИЙ СВЕТ

Призрачным подобием клинка
Месяц занесен над колокольной.
Я пришла сюда издалека:
Здесь мои невырванные корни.

В редком ивняке – слиянье рек.
Холм, где я стою – был раньше мысом.
Здесь в дороге выбрали ночлег
Ехавшие в Киев Глеб с Борисом.

Ужин приготовлен на костре.
Наскоро сколочен стол дощатый.
Месяц поднимался, и горел
В зарослях кувшинок свет заката.

Утром приводил пастух овец:
В пойме травы выше и сочнее.
Братьям – собираться: ждет отец.
Плыть и плыть – покуда не стемнеет.

Около подножия холма
Место, где поздней возникла пристань.
Кладка из булыжника видна
В поросли травинок бархатистых.

Я брожу по берегу, храня
Трепет перед древнею долиной.
Кто-то мне в часовне дал огня –
Сумерки тревожить дней былинных.

Сильно обмелел, ушел в осот
Водный путь князей по узкой Нерли.
Но река по-прежнему несет
Долгий, домонгольский свет вечерний.

ЖУРАВЛИНАЯ РОДИНА¹

Они поднялись вожжой,²
до здешних полей охочи,
над первой седой межей,
над Вьюлкой, Сестрой и Хотчей.
Растягом в широкий клин,
смешались с огромной стаей –
аминь, журавли, аминь!
Навеки ли мы расстались?..
В холодный поток ветров
вплетая тела и клёкот,
летят вожак на зов
египетских рощ далёких.
Летят... и разлуки грусть
оскоминой сводит сердце...
Родные, счастливый путь!
Глядеть бы, не наглядеться...

Зато как ударит рань
лучом по низине топкой,
как выпустит цвет герань
в горшке на оконной полке –
как – вздохом одним! – весна
попятит снега к оврагам –
чу, звуков дрожит волна,
чу, в небе гонцов ватага!
Живём, журавли, живём
и что-то на свете можем!
Пусть горло слезами жжёт
и бродит озноб по коже –
такая сквозь душу синь
капелью стекает в вечер...
Аминь, журавли, аминь!
И – талой воды – за встречу!

¹ в Талдомском районе находится заказник «Журавлиная Родина» – единственное место в центре Европейской России, где на осеннем перелёте собираются серые журавли, редчайшие птицы Подмосковья. Это имя дал краю М.М. Пришвин.

² лететь вожжой (о журавлях) – лететь цепочкой. Народное выражение.

* * *

Тайна сия в простоте глубока:
Озеро, лебеди, небо, река,
Волны холмов, убегающих вдаль,
В небе закатного солнца медаль.
Грозной Рябиновки мощная кладь,
Дышит невидимо здешняя рать.
Труворов крест коренаст и шершав,
В теле лампадки мерцает душа.
Плачут, звенят и ликуют ключи.
В роще за кладбищем ветер ворчит.
Храм запрокинул седую главу,
Так и застыл, белым сном наяву.
Северной розы дрожат лепестки,
Пары лебяжьей скольженья легки...
Льнут к башмакам полевые цветы,
В прошлые дни устилая мосты.
Там, где лишайником скрыта скала,
Я благодать из ладоней пила.
Я изборчанкой когда-то была...

ОТЧЕГО ТЫ ПЛАЧЕШЬ?

С.А. Золотцеву

Господи, помилуй и спаси
Терпеливых жителей Руси,
Кто с рожденья ранен на века
Тем, как в дымку прячется река,
Тем, как бродят аисты в росе,
Как на землю льётся тихий свет.
Сердцу свет откликнуться велит
На вечерний колокол вдали,
Где темнеют псковские леса,
Где собор крылится в небеса,
Где погоста замерли кресты,
Где люпины дикие густы...
Там чиста становится душа,
Там покосы песнями шуршат.
Всё в сравненье с этим – миражи!
– Отчего же плачешь ты, скажи?..

ВНЕ ЛЕТОПИСИ

Узорочье буквиц... в них память о древних веках,
Мужах благородных, деяньях великих и войнах.
Шум ратных полей не смолкает в старинных речах,
И слава злодеев живёт в них, и слава достойных.
Напитаны кровью слова летописных страниц.
Но жизнь, отсечённая скупой суровым их кроём, –
Как вид, различимый сквозь прорези узких бойниц,
Что ширью незримо развёрнут за толстой стеною.
И там, на просторе, не звон кровожадных мечей,
А звон бубенцов по дороге пылящего стада.
И дым – не пожарищ, а добрых кормилиц-печей,
Тепло очагов – колыбелей семейного лада.
Там крик петушинный, и лай добродушных щенят,
Там запахи дёгтя и свежей осинового стружки.
Стучат топоры, и рубанки со свистом скользят,
Скрипят на крючках коромысла ведёрные дужки.
Там белят холсты, расстилая под росы к утру,
Оладьи пекут с толокном и лущат чечевицу,
Из шерсти сосновой целебные нити прядут:
В ненастную пору всегда от ломоты сгодится.
До света встают, под малиновки сладкий напев
По мокрому лугу идут на косьбу спозаранок,
В шершавой ладони полынный вершок растерев,
Тот запах вдыхают её – горьковато-травяной.
Чащобы теснят, наступая сохой и огнём
На лес, изобильный и зверем, и мёдом с черникой,
За каждую пядь уцепившийся намертво пнём, –
Он так не сдаётся, грозящий, дремучий и дикий.
Хоть труд безымянный – не подвиг для гусельных струн,
Но хлеб, что там сеют, – то пращур ведь нашего хлеба!
Безвестные люди следят за рождением лун,
Все те, без кого ни один бы рождён из нас не был.

В ГЕФСИМАНСКОМ САДУ

В Гефсиманском саду пели птицы ночные,
Время крепкого сна, время длинных ножей.
Угасают в лампадах огарки свечные
И на встречу торопится стража уже.
Я просил вас не спать, я желал утешенья.
Минет чаша сия? Коль уснули, то нет!
Тот кто предал меня, принимая решение,
Был уверен, что я никудышный поэт.
И учитель плохой, и рыбак неумелый
Ни к перу, ни к сетям не привыкла рука,
А возможность менять своё брненное тело,
На возможность вписать своё имя в века,
Это блажь! С веток птица ночная вспорхнула
И умчалась куда-то, напрогорчив беду...
Ветвь осины под тяжестью тела согнулась,
Тишина и покой в Гефсиманском саду.

ИСХОДА НЕ БУДЕТ

Исхода не будет, Египет, ликуй,
Мы строим твои пирамиды.
Их будет немало на нашем веку,
Ступенями в царство Аида.
Нам эти постройки милее пенат,
Нам рабство дороже свободы.
Суровой бедой обернулась вина
На долгие, долгие годы.
Ещё Моисей не родился на свет,
Иосиф понятнее судит...
Не будет исхода, коль пастыря нет.
Живите, исхода не будет!

Николай КЛОЧЬЕВ

г. Великие Луки Псковской области

БЕЛАЯ ПРИТЧА

Быть надорванной белой птицей –
вороной, –
Твой небосклон!
Ты подрезанных крыльев, – крест –
Устремляя в самую высь –
– Суть
Крест...
Надломленным бледным надрезом
Небес сведения
В счёт
Роняет тихие капли ритма
Внизу лишь распускающиеся
Благоуханием
Чистоты и Света
Возможностей
Прекрасного, райского сада мечты
Где всё:
Любовь и горе
Жизнь, – приключение в смерть
Всего лишь розовое отражение
Той «ввыси»...
Прекрасной, белой
Надорванной небосклоном
распластанной в крест –
невидимо
Льющей на нас
В Божестве своем
Капли амброзии, – звуки... таинственно –
– До-сту-чи-тесь
До сердца
Своего

*К 95-летию со дня рождения
поэта-воина Игоря Григорьева*

МЫ ВОЛИ И ОГНЯ ПОВОДЫРИ...

(поэты о поэтах, творчестве, поэтическом слове)

ПОЭТЫ

Сергею Поликарпову

Мы воли и огня поводыри
С тревожными раскрытыми сердцами,
Всего лишь дети, ставшие отцами,
Всё ждущие – который век! – зари!

Сердца грозят глухонемой ночи,
За каждый лучик жизни в них – тревога,
И кровью запекаются до срока,
Как воинов подъятые мечи.

Взлелеявшие песню, не рабы –
Единственная из наград награда!
Нам надо всё и ничего не надо.
И так всегда. И нет иной судьбы.

Нас не унять ни дыбой, ни рублём,
Ни славой, ни цикуты царской чашей:
Курс – на зарю!
А смерть – бессмертье наше,
И не Поэт, кто покривит рулём.

Галина ЩЕРБОВА
г. Москва

* * *

Мешая с бреднями пророчества,
Родства не зная до конца,
Поэты не имеют отчества,
Они – наследники Творца.

С рожденья каждому завещано
Его нехитрое добро –
Неотвратимость гласа вещего,
Свеча, бумага и перо.

Любовь СЕРДЕЧНАЯ
г. Смоленск

Я ИДУ НА ГОЛГОФУ

*Нас не унять ни дыбой, ни рублём,
Ни славой, ни цыкуты царской чашей...
Игорь Григорьев*

Я иду на Голгофу, несу на закланье стихи.
Отдаюсь вам на милость: рядите, судите, казните.
Наносите смертельные раны, считайте грехи,
Но примите...

Но примите такую, как есть, с обнажённой душой
Не прикрытой ни лестью, ни завистью, ни безразличием,
Ни тупым пустословьем, ни злом, ни парчой, ни паршой,
Ни величем...

Не величие толкает меня каждый раз под удар,
Не гордыня бросает меня на кресты, а раздумья...
Я приму и «Распят!» и «Помиловать!» Это не дар,
А безумье...

г. Боровичи Новгородской области

Сердца грозят глухонемой ночи,
За каждый лучик жизни в них – тревога...
«Поэты». И.Григорьев

Тебе вослед не скажут: «Он велик!»,
Но возвращаться будешь из забвенья,
Чтоб дать любви от пошлости спасенье
И возродить униженный язык.

г. Санкт-Петербург

Если это огонь – может дом поджечь.
Если это игра – то не стоит свеч.
Если это болезнь – постыдная.
Если это судьба – завидная.

Это чувство – мое призвание.
Но пока оно без названия.
У него миллион обличий есть:
То сомнение, то боль, то ненависть.

Может, жить без него попробовать?
Без него, как без хлеба – впроголодь.
Не купить, не найти, не выменять.
Это чувство мое – без имени.

* * *

Неровной строчкой начертай
на старой коже голос божий.
Ты плут, калика перехожий,
ты в нём не смыслишь ни черта.

Но будет «аз», но будет «ять»
и сотни знаков между ними.
И кто-нибудь запомнит имя,
чтоб имя это повторять.

А ты не оглянись назад –
там страх и глад, там сны и звери.
И пусть останется потерей
пожаром опаленный сад.

Года уйдут наискосок
от первой строчки к эпилогу...
У каждого дорога к богу
своя и в свой проляжет срок.

Наталья ПУНЖИНА

г. Гатчина Ленинградской области

ВДОХНОВЕНИЕ

Мы играем. Играем простыми словами. Мы дети.
Возраст тут ни при чём – таково состояние души.
Не на ветер бросаем – на сердце, как зёрна. Ответит
Кто-то нам, почему мы никак повзрослеть не спешим?

Может, скажете, знаем чудесное, тайное средство?
Или, может, нам ведом какой-то особый талант?
Кто поэт, кто поёт, кто влюблён, – всем по детству в наследство,
Или детству в наследство – влюблённый, поэт, музыкант.

Мы играем себя. Словно книга, открыты пред вами.
В нашем сердце – весь красочный мир уместился едва.
Все мы дети по сути. И все мы играем словами.
Или нами играют сошедшие свыше слова?

Ольга ФЛЯРКОВСКАЯ

г. Москва

* * *

Не верить в то, что смысла нет
искать добро.
И пусть порой неярк свет,
а век суров.
Пусть сердцу гордость тяжела,
горьки стихи.
Малы пред Господом дела,
но не грехи.
Принять и крест, и благодать,
и в свой черёд
людей, которых гонят вспять,
вести вперед.
Вести на этот ясный зов
из всех рутин.
Наш свет единственный, Любовь,
свети, свети!..

ПОЭТУ

*«...Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!»
А.С. Пушкин*

Август... Достать бы чернил и заплакать, сети забросив в знакомый хорей...
Чтобы, очнувшись, приветствовать слякоть, пряча озноб

в шерстяном сентябре.

Помнишь? То самое странное чувство: в школу не завтра, но каплет вода...

Благ до седин изучивший искусство жить этим днем, а не в тщетном всегда!

Бродишь по дому, в себе неприкаян, точно уроки не хочешь учить:

Сам себе – змей-искуситель и Каин, сам себе – в мир ариаднина нить.

Что там саднит, не давая покоя? Столько ведь листьев еще на ветвях...

Август, ты знаешь, он – время такое... Если и плакать, то лучше – в стихах.

Эта привычка – приветом из детства – чувствовать осени издалека...

Жил – да не нашёл надежного средства, чтобы молчать от звонка до звонка.

Сладкие сны до последнего длящий – благ, ибо Царство ему отойдет!

Только наследство – всегда через ящик... Веруй и пой, прописной идиот!

Ты же – иной, ты – вовне и – за гранью, ты не уверовал в будущий рай...

Вот и сиди и костлявою дланью слезы с бумаги своей вытирай.

Может, случится тебе раствориться в этой сырой беспробудной тоске,

Припоминая увядшие лица и города, что росли на песке.

Может, из хлама минувшего мира, выцветших фантиков прошлых судеб

Выудит что-нибудь битая лира всем – на потеху, поэту – на хлеб...

Может, и выйдет из стертых аккордов, строф перечеркнутых в свете утра

Ром – твоему корабельному черту и для темницы твоей – мишура.

Что там саднит? Иль засела иголка смертью кощевой возле виска..?

Ты же поэт – и ни в поисках толка ты подпирал головой облака.

Даже теперь ты, в седеющем детстве, – пастырь анапестов, пасынок звезд...

Что же ты всеу все просишь о средстве, чтобы дремать и молчать

в полный рост?

Памяти писателей-фронтовиков

Отдали, что смогли, не выжидая,
Услышав зов земли Родного края...
Безмолвен строй солдат...
Стихов страницы
 а горизонт летят –
Большие птицы...

НАПУТСТВИЕ

*И не поэт, кто покривит рулём
Игорь Григорьев*

Запомни: руль не криви,
прямая дорога есть!
Она на полях Любви
под звёздами Совесть, Честь,
и Правда...

Тех звёзд лучи
пусть будут с тобой всегда.
Немеркнуши, горячи

они... От тебя беда
безверия отойдёт к обочине, в темноту...
Наступит мечте черёд, ты просто ищи мечту...
Ты просто ищи слова и звёздному свету верь:
на поле Любви трава – спасение от потерь...
Найдёшь, где растут стихи – в полыни и васильках...
Былиночки строк легки, и рифмы живут в цветах.
С мелодией чистых рос восходят слова нежны,
согреты лучами звёзд бесстрашно они честны.

Правда, Совесть и Честь
ведут по полям Любви.
К поэзии дорога есть,
ты только руль не криви!

Владимир ШЕМШУЧЕНКО
г. Санкт-Петербург

БЛОК

Он сидит за столом, одиночество топит в стакане.
Тонким углем ночник очертил силуэт на стене.
За окном тает снег и, как бинт, прилипающий к ране,
Постепенно чернеет... Стоит в летаргическом сне
У дороги аптека. Рождает бесполое тени
Одинокий фонарь. В ресторанах пропойцы кричат.
Диск на небе кривится. Вздыхают в парадном ступени.
Незнакомка уходит... Проклятые книги молчат...

Игорь ТЮЛЕНЕВ
г. Пермь

* * *

Прошли мимо окон стихи луговые,
Стихи-буреломы за ними бредут,
Цепляя сучками цвета голубые...
Люблю васильки их полно нынче тут!

Идут мимо дома родного поэта
Стихи – проложил же им кто-то маршрут?
И клён шелестит, словно флаг сельсовета,
Как средство от гриппа и прочих простуд.

Стихи не гремят по земле кандалами,
И в кровь не сбивают подошвы свои.
То днями живут они, то временами.
Их в небо возносят восторги твои.

Они как молитвы, как ангелов крылья,
Не стой против неба, талантом хвалясь...
Не можешь писать? – Так рыдай от бессилья
Слезами, смывая с души своей грязь.

Елена ЧЕРНЫХ
г. Москва

* * *

А может быть и правда не случайно
На небе кто-то звёзды зажигает?
Кому-то очень нужно чрезвычайно
В ночи увидеть, как их свет сияет!

Кому-то нужно, чтоб в ночную пору
Все звёзды, что живут на тёмном небе,
Сложились бы мозаичным узором,
Который называется созвездьем.

И тайну звёзд небесных открывая
Пытаемся узнать судьбы дорогу.
Нам кажется, что наша жизнь земная
Во власти этих звёздных монологов.

И кажется, что вот ещё немного
И мы откроем таинство секрета.

Но, видимо, кому-то нужно, чтобы
Искали мы, но не нашли ответа...

Алена РОСТОВКИНА
г. Ярославль

* * *

Что же нам в этом мире осталось?
Созерцать гармоничность природы,
Проживать эту силу и слабость
Под бескрайним шатром небосвода.

Замечать, что иным не заметно,
Облачать это в новую форму
И бродить, растворяясь, по свету
В переливах гитарных аккордов

Нам не чужды забвенье и страхи
Даже если остынет планета,
Воссияет над пылью и прахом
Вдохновенное сердце поэта

ТЫ – ВОИН СВЕТА

Памяти поэта-воина Игоря Григорьева

*Мы воли и огня поводыри...
Игорь Григорьев, «Поэты»*

Ты – Воин Света, лиры и добра,
Писавший кровью на живой бумаге,
Звенела словом сердца тетива
Среди твоей немыслимой отваги.
Ты меч держал – как рукоять пера,
В чернильницу макая запах боя...
Поэт любви, горящего костра –
Ты полыхал и зажигал собою!
Пронёсший Веру, как глоток зари –
Вне времени и не желавший много...
О, Русский Воин, праздничной земли,
Повсюду словом излучавший Бога!
Теперь ты там – у Вечной Синевы
И с нами здесь – на глянцевой бумаге...
Но слов твоих бездонной глубины –
Ты нам оставил полные тетради!
Давно с сердец омыта кровь войны,
Но истинным стихам не надо много:
Где воли и огня поводыри –
Там никогда не перестаёт дорога!

ГЛАШАТАИ ВЕЧНОГО СЛОВА

Зерно, что лежало в божественной длани,
В назначенный час засияло во мгле,
По воле Господней даруя земле
Свет истины, счастья и муки страданий.

Поэты – глашатаи вечного слова
С особыми свойствами чуткой души,
Как иноки, твердо однажды решив,
Свой жребий вверяют сердечному зову.

И в жизни, и в смерти они одиноки,
Вступая на путь из горящих углей,
Где слёзы и пот – благодатный елей,
В служении правде находят истоки.

Труднее всего быть поэтом в России:
Не став палачом иль бесстрастным судьёй,
Смирясь с ниспосланной свыше судьбой,
Отдать бескорыстно таланты и силы.

То бунты терзают, то распри, то войны...
Но Русь воскресает из небытия!
Горька благодарностью чаша сия:
Остаться ей верным и чести достойным,

И в житнице божьей быть малой крупницей,
Слагая стихи на родном языке,
С любовью и чаяньем в каждой строке
По-русски и жить, и мечтать, и молиться.

НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ ПОЭТА

Вчера лишь в Союз принимали,
Деля с ним его торжество, –
А ныне, скорбя, приминали
Кладбищенский холмик его.

И что бы о нём ни сказали
Восторги и зависть невежд, –
Ты видел своими глазами
Свершение и гибель надежд...

Жалеть ли о счастье жестоком
Поэтов, поднявшихся в рост?
Они – электроды под током
Стихи ими пишущих звёзд!

Чем люди бы связаны были,
Как стали бы люди людьми, –
Без искры космической пыли,
Без жертвенной сварки любви?..

Виктор ЗВЕРЕВ

г. Псков

* * *

*Владимиру Савинову
на 40 дней...*

Душа прощается с родными
Душа прощается с Землёй
Ей жить, увы, теперь не с ними
Теперь её ждёт мир иной.

Там звёзды ближе и роднее
Их души сами создают.
Они горят, чтоб нам виднее
Был тихой звёздности уют.

Взлетят и наши в небо души,
Когда поманит мир другой,
Мы тоже грусти не нарушим,
А примем вечности покой.

ПОЭТУ

Не суди легко,
не руби с плеча.
Правда далеко,
воля горяча.

Хочется простить,
хочется понять,
Только как же жить,
чтобы не терять?

Нелегко понять,
нелегко помочь,
Проще обличать,
уезжая прочь.

Проще укрывать
саваном с могил.
Нелегко принять,
не хватает сил.

Трудно жить, ища
правду на земле,
Плакать, не ропща,
не зовя извне

Князя на престол,
чтобы в ноги лбом,
Чтобы осудил
и посек кнутом.

Трудно, слезы прочь
отерев с лица,
Шаг направить в ночь –
ту, что без конца.

И идти в нее.
И, не веря в свет,
Поднимать копье,
приближать рассвет.

СОН ПОЭТА

Николаю Ерёмину посвящается

Утром привиделся сон,
Вещий, а может обычный,
Сказкой он стал загадочной,
Играл за стеной саксофон...

Мне снилась страна дорог,
Даль без конца и без края,
Где вольно словами играя,
Поэт – Гений, Провидец и Бог.

Страстей, кабаков «кипяток»,
Ночами гуляют медведи.
Злата в карманах нет? Меди?
Дома сиди, паренёк.

Вновь заалееет восток,
Мудрой своею улыбкой,
Стало на сердце так зыбко,
Потоком по нервам ток.

Впрочем, какой в этом прок,
Рифмой тревожить души?
Чтобы на море, на суше –
Вас изумляла музыка строк!

Утром привиделся сон,
Вещий, а может обычный,
Сказкой он стал загадочной,
Играл за стеной саксофон...

СЕРДЦЕ ПОЭТА

Сердца моего поэтического
полную обнажённость
рассматривать под микроскопом
будете иль лупу сквозь?
Проявляя свою энциклопедическую
просвещённость,
обсуждать, конечно, станете:
«Вот, мол, разовралось!».

Нет, не разовралось оно,
попросту – разорвалось!
Смотрите, как всё прошито –
в заплатках, швах да рубцах...
Хотелось ему для каждого
подарить любви малость,
оставить себя частичку
в бездушных чужих сердцах.

По белому свету странствуя,
напрягая силы все,
радость дарило людям:
вместе всем, иль – поврозь...
Что же вы теперь злобствуете
над ним, обессиленным?
Даже не замечая,
что сердце
разорвалось!..

«НИЗКИЕ» ИСТИНЫ

Модель в портрете ищет сходство,
пока портрет модели льстит.
В ней могут быть черты уродства,
но их смягчать велит нам стыд.

«Красиво» лучше, чем «похоже»:
разгладь рубцы, добавь румян...
«Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...»

Мы эти пушкинские строки
за откровение сочли,
забыв другие – о пророке,
судье несправедной земли.

И Блок с учителем согласен:
«Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен».
...А если в нём «случаен» ты?

И за твоей баржою волны
смыкает Обь глухой порой?
Но «без меня народ неполный»
твердит платоновский герой.

И пишет в сумрачной Овсянке
солдат, чурающийся лжи,
как шли на смертный бой подранки –
сынишки ссыльных с той баржи.

В могиле братской с палачами
своих отцов и матерей
глядят нездешними очами
на явь, не ставшую добрей...

За все не благостные лица,
за каждый злой и грубый штрих
не след художнику стыдиться –
пусть мир стыдится, видя их.

НАША СЛАВА

вы лихие командиры помяните
в этом городе где северная мгла
каждый памятник поставлен на граните
а не только венценосная игла
из металла и гранита наша слава
но с годами все труднее и трудней
под уздцы вести наш город величавый
как на аничковом лошадей
мы глядим на вас с портретов по музеям
с пожелтых фотоснимков на стене
в зимних парках наша слава холодеет
прирастает как положено к зиме
и лихим увековечена декретом
смотрит сверху на гуляющий народ
а живых нас не бывает у поэтов
после смерти эта слава настает
и на той же чернореченской полянке
и под тем же пятигорском на холме
или просто в серой робе арестантской
чтобы слава приголубила в тюрьме
без подтяжек безразмерные штанины
бритый череп да баланда без конца
то ли дело на дуэли дворянину
то ли дело дуновение свинца
нас при жизни не любили нас ссылали
донимали клеветой вели на суд
мы стихами баловались мы не знали
что бессмертными их назовут
и расставят нас как кегли через годы
целиком и только бюст чтоб класть цветы
у поэтов нет отчизны есть свобода
а свобода это голос правоты

СУДЬБА ПОЭТА

Какое благо для поэта,
когда на сердце тишина
и благодать. Но блики света
стушёваны... Бокал вина
не будоражит, не тревожит...
И женщина, всего одна,
его слова понять не может,
не в силах их понять она...

Белеет парус и чернеет,
и грустно думает поэт
о том, что это не успеет,
ну, а того уже и нет...

Остались в тесном промежутке:
лишь пара стареньких монет,
гитара, пачка писем жутких,
да незаконченный сонет
и много-много вожделений,
осуществимых, но пустых –
берет листок печальный гений,
и пишет свой прощальный стих...

Он так старается увидеть
сквозь тьму годов своих детей –
вода в расколотом корыте
течет не в землю, а к звезде,
которая далеко где-то,
прекрасная, как белый вальс,
висит над головой поэта
и смотрит, словно вещей глаз...

НАПИШЕТ СОЛНЫШКО СТИШИ

Напишет солнышко стиши –
Как лучики карандаши –
Рифмуются в нём облака,
И небо синь, и глаз цветка.

Создаст катреном тень и свет,
Наполнит рифмами Сонет.
Ещё добавит две строки –
Разбавив небом васильки.

И заиграется в росе
Слогами света в лепестке.
В травинках Рондо пропоёт...

А там и вечер настаёт –

Он ляжет многоточьем в ряд
Стихом украсив свой наряд.
В нём яркой точкой, как всегда
Взойдёт полярная звезда.

* * *

Я выдуваю ноты гласных,
На старой, сломанной трубе.
Стреляю звуками согласных
По измордованной судьбе.
Рисую солнце чёрным цветом.
Рисую клетчатую ночь.
Пою о том, как сердце, летом,
Стальную стужу гонит прочь.
Молю тепла. Уж флейту слышу,
Сквозь медный хаос мёртвых нот,
Но та мечта, что жизни выше,
На взлёте обратилась в лёд.
Пою, и вьюга подвывает.
Молчу, – и холод по спине:
Подобно ледяной стене,
Среда по кругу застывает.
Кричу, хрипя, – не слышу пульса:
Упала льдинкою слеза,
Застыла кровь, темно в глазах...
Шепчу надежде: – «Не сутулься,
Умри с улыбкой на устах».

МЫ – БРАТЬЯ, ПОЭТЫ!

«Я ведь всем твоим детям – по крови – брат...»

Игорь Григорьев «Забота» (1970)

«Брату Николе от скобара, с любовью верной»

*Дарственная надпись Н. Игнатьеву (1936–1995)
на книге «Листобой» (1963)*

Ну что ж ты, Никола, не выдержал, друже?
Да разве поэтам легко?
Когда целину поднимал, ты же сдюжил,
От милых полей далеко.

Ну что же ты, брат, не позвал свою музу
По трудным дорогам идти?
Ведь кажется только, что муза – обуза,
Она помогает в пути.

Гремят диссонансы разбитой державы
И крылья неизданных книг.
Не всё измеряется мерою славы,
Есть смыслы иные, старик.

Открой же глаза, разверни же покровы:
Живем потому, что творим!
Мы братья-поэты, мы – братья по крови
И детям и внукам твоим!

СМОЛЕНЩИНА – ЗЕМЛЯ ПОЭТОВ

*Приношение Михаилу Исаковскому,
Александру Твардовскому, Николаю Рыленкову.*

Земля поэтов! Как ты веришь,
Что слово будет звонко петь,
И меришь памятью, так меришь
Талант, которому лететь

К высоким берегам «Катюши»,
К военной – тёркинской – поре,
Лететь, звенеть, счастливо слушать
И на Днепре, и на Угре!

Пройдёт Десною лёд весенний,
Вазуза синью напоит,
Остёр и Гжать поймут тени
Высоких туч, поникших ив.

Мне хватит воздуха родного
На сто веков, на тыщу лет –
Хватило б сердца заходного...
Служи Смоленщине, поэт!

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ В ПЛЁСЕ

Прийти сюда – не ближний путь:
Не так легко подняться в гору.
Здесь редко бродит кто-нибудь,
Здесь тишина в любую пору.

Стоят погнутые кресты.
Вокруг – травища по колено.
Надгробий мало, но застыл
На них след времени нетленно.

Читают надписи сверчки,
Поют на разный лад часами.
Над каждой буковкой строки
Шевелят длинными усами...

«Мой друг единственный, ты где?
Мир без тебя – пустырь безлюдный...
Не рассветает белый день...
На свете жить темно и трудно »

«Мой друг далекий, незабвенный,
Мне грустно, тяжело без тебя,
Умчались жизни дни блаженной,
Нет больше счастья для меня ».

Здесь современники лежат
Толстого, Тютчева и Фета.
И, словно таволга, свежа
Строка неизвестного поэта.

А в травах хожены тропы
Как я – такими чудаками –
Кто с блеклых строк стирает пыль
Небезразличными руками...

ПОЭЗИЯ

Поэзия – вдох на рассвете
И первый пронзительный крик;
Лицо обдувающий ветер,
Живительной влагой родник.

Поэзия – это улыбка,
Во рту – первый маленький зуб.
В подушках усестся попытка,
По скулам размазанный суп.

Поэзия – шаг самый первый,
Падения и синяки.
Пусть водит скулой злоба нервно,
Пусть злобны в поэта плевки.

Поэзия – радость и встречи,
Чайковского трепетный вальс.
В родильной палате наречья
И слёзы от счастья из глаз.

Стихи – это песни детишкам,
И снова – размазанный суп,
На полках с картинками книжки,
Роняющий жёлуди дуб...

И звёзды, вдруг, ставшие ближе,
И слышимый шёпот полей.
Поэзия – дождик по крыше,
Болячки бессонных ночей.

Жизнь в нас льется полною мерой,
Поэзия – жизни круги,
Единственный друг самый верный,
И, мечутся в злобе враги.

Но разве враги эти смогут
Прервать жизни вечной забег?
Поэт не изменит дорогу!
Без строчки – ни дня, человек!

ПОЭТ- ПРАВДИВЕЦ

Характер русский у меня внутри
Я славянин, по духу и по крови.
В сердцах подчас бываем бунтари
И пашем, днём и ночью в чистом поле.

Растим хлеба уже, который век.
Встречаем зори с солнечным рассветом.
И молимся, чтобы в сердца, не падал снег
Поверив в наши русские приметы.

Храним очаг семейный. Отчий дом,
Детишек малых. Мы за них в ответе.
За Русь Святую встанем же с мечом
И по достоинству, как в старину, ответим.

Мы вольные и значит не рабы –
Для сердца радость. Для души отрада.
Поднимем горы, если надо на дыбы.
Свобода, воля – высшая награда.

Нас унижали. Вновь с колен встаём.
Заманивали, подчивая кашей:
Курс сохранили на зарю!
Идя на смерть, храня бессмертье наше,
Поэт – правдивец, не кривит рулём.

«СКВЕРНЫЕ» ЛЮДИ

Александру Бологову...

Есть «скверные» люди на свете:
Хоть бей их, уродуй штыком,
Шагают по жизни, как дети,
Своим персональным путём.

Подвергнуть сомнению смеют
Любой «венценосный» проект:
Без совести жить не умеют –
Для них правда – приоритет.

Правители их избегают –
Гонимы во все времена:
Ведь Слово народ поднимает,
А власти удобней толпа.

Такие вот «скверные» люди,
Хоть бей их, коли их штыком,
И мёртвое сердце разбудят
Разгульным бунтарским стихом.

Подвластна им Слова стихия,
Но... пуля – одна из «наград»:
И лучшие люди России
Уходят в рассвет, не в закат.

ЗА ЛЁГКОСТЬЮ СЛОГА...

*«Всякое творчество есть по сути своей – молитва»
И. Бродский*

Из прежней строки уж не вынуть слов
И ритма не поменять.
Земля скромных рек и литых крестов
Ложится стихом в тетрадь...

За лёгкостью слога – тяжёл удел,
Брехлива и зла молва.
Но всяким сомнениям – свой придел,
И всякой судьбе – глава.

Когда бы всё тише звучал глагол,
Кем стал бы в миру поэт?
Излился бы гуще и крепче смол
В потоке земных сует.

Но призван в природе любой изъян
Изящно вписать в скрижаль.
За каждой мелодией – нотный стан,
За песней – своя печаль.

Творя не в потребу людских утех,
Добром наполняя слог,
Как всякой любви – свой смертный грех,
Он всякому веку – Бог.

Чутьём его голос, всегда живой,
Звучит через много лет:
Любому поэту – земля его,
И всякой земле – поэт.

...Уйду ли с закатами
В том краю,
И ветер рассеет прах.
Очнусь и не верю –
Стою в раю
И Землю держу в руках.

ПОЭТУ

То ли бедой, то ль вестью –
благою ль? – не разберешь...
Пой, поэт, свою песню,
Может, и допоёшь.

Может быть, кто расслышит
зов твой, иль тихий плач...
Небом уже вышит
Твой зоревой кумач.

Ангел поднял крылья,
черт раскатал губу.
Боже, какая Сила
правит твою судьбу?..

Правит простым Словом –
лекарем-палачом.
Вон, как заря снова
красится кумачом!.

Строками будто весною –
сыпет на лист пустой...
Пой, поэт, свою песню,
Может, оценит кто.

ЧУДНÁЯ ПТИЦА

Из наших споров и баталий
навряд ли истина родится,
но вновь летит в святые дали
поэзия – чуднáя птица.

В неё давно палят дуплетом,
картечью мнений и сомнений,
но где-то, волею поэтов,
живут Татьяна и Евгений,
белеет парус над волнами,
жираф изысканный пасется,
и скиф раскосыми глазами
глядит на северное солнце...

Блаженны русские поэты,
прошедших дней и дней грядущих,
те, кто поэмой и сонетом
врачуют раненые души...

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие временно исполняющего обязанности Губернатора Псковской области М.Ю. Ведерникова участникам фестиваля «Словенское поле - 2018»	3	Пасха	24
Владимир Шемшученко		Семейная легенда	25
Революция	4	Лариса Егоршина	
«Ненасытная печь за поленом глотает полено...»	4	Псков – Плесковии ворота	26
«Меня спросили: «Кем ты был?»...»	5	Михайловское лето	27
«Донос. ОГПУ. Расцвет ГУЛАГа...»	6	Михаил Полевиков	
«Увели их по санному следу...»	6	Божественный вестник	28
Игорь Тюленев		Герой тысячелетия	28
Думы великоросса	7	Святыни	29
Крымский мост	7	Любовь Сердечная	
Когда тебе за шестьдесят	8	В башне	30
Я услышал	9	1812–2012	30
Виталий Молчанов		Хоронили бойца	31
Свет	10	Дарья Гальцова	
Крупка	11	Снегири	32
Ксения	12	Холокост	32
Никита Брагин		Память	33
Недалеко от вокзала	13	Валерий Савостьянов	
Перекоп	14	Пražский хлеб	34
Ледокол «Красин»	15	Сны старого лётчика	35
Светлана Размыслович		Сергей Подольский	
Дулаг-100	16	Казачья песня	36
Мальчик которому я – никто	17	Записка из солдатского медальона	36
Анатолий Вершинский		Морская душа	37
Вкус	18	Лариса Фелисион	
Князь и писарь	19	Гать	38
Владимир Савинов		«Спит твоя бабка на дальнем погосте...»	39
Михайловская башня	20	Убежало лето за леса	39
«И светлый луч встаёт над Псковским Кромом...»	21	Андрей Канавщиков	
Ксения Гильман		Священный холм	40
Ангелам серебряного века	22	Ветеран приняла парад	40
Аннин хлеб	22	Тамара Кошечкина	
Венок поэтов	23	Кровит в короне красная шпатель...	42
Галина Щербова		Богатыри	43
Прощание с Есениным	24	Александр Сараев	
		«Он ходит и стучится в двери...»	44
		Пустота	45
		Вячеслав Михайлин	
		Малы	46
		Нестор-летописец	46

У родника.....	47	Александр Козлов	
Елена Хафизова		Фронтовой шофёр.....	68
Град Псков.....	48	Война – это просто работа.....	68
Пред битвой.....	49	Ангелы.....	69
Наталья Пунжина		Юлия Линде	
Воскресенская слобода.....	50	Ленинград.....	70
«Погибших помянут солдат...».....	51	Обелиск.....	70
Наталья Толбатова		Наталья Страхова-Хлудок	
Смоленск.....	52	Юным участникам поисковых отрядов.....	72
Ирина Блажевич		Солнце на щеках.....	73
Между прошлым и будущим.....	54	Геннадий Синицкий	
Пир солнца.....	54	Бессмертный полк.....	74
Почти философское.....	55	Разъезд Самозвоново.....	75
Юрий Иванов		Данил Москаленко	
Скоморохи.....	56	«!Читайте античные мифы...».....	76
«Огород мой очерчен оградой...».....	57	«Мы – поколение канатоходцев...».....	77
Андрей Теддер		Даниил Разанецкий	
«Жили три старухи на селе...».....	58	Родина.....	78
«Мой город умирает не спеша...».....	58	«Жить, как в книгах, – просто...».....	78
Игорь Исаевъ		«И если уйдешь на север...».....	79
«А ведь нам говорили, что мы – дураки...».....	59	Анастасия Самарцева	
Григорий Батрынча		Грузия.....	80
«В пустоту обращаются старые гаражи...».....	60	Дождю.....	81
«Я не смотрю вперёд, мне проще смо- треть на что-то...».....	60	«Мое вдохновенье живет на зеленой аллее...».....	81
«Не король, а валет бубей...».....	61	Людмила Ивлева	
Александр Петров		Музыка Савкиной Горки.....	82
«Не страхом единым, а солью из пор...».....	62	Моё Отечество.....	82
«Я не помню тебя, что то память подво- дит, а лица...».....	62	Певчая.....	83
«Сжимаются легкие в шарик бумажный...».....	63	Наталья Лаврецова	
Владимир Королёв		«Мне знакомо лицо его в каске, с глазами гражданскими...».....	84
История поэзии – поэзия истории:.....	64	Два маршала.....	84
30-е годы, взгляд на писательский май.....	64	Игорь Горич	
Артур Гайдук		Крым.....	86
Антибиблия.....	65	«Пути добра, пути тревоги...».....	86
Вадим Котов		Шкала оценок.....	87
Закон.....	66	Диана Константинова	
Седой старик – зима моя.....	67	Елена Прекрасная.....	88
Памяти Нины Ульяновой.....	67	Игорь Плохов	
		«Гроза упала на Страну...».....	89
		«Тревожный звук и деревянный крест...».....	89

Иван Иванов		
Испить пришлось.....	90	
Вера Сергеева		
Бабы.....	91	
Юрий Ишков		
Последний воин.....	92	
Великие Луки.....	93	
Сергей Горшков		
Вставай!.....	94	
Дожди.....	94	
Ужасные привычки.....	95	
Александр Пацовский		
«Я честь и краса полигонов...».....	96	
Надежды и реалии незалежной.....	97	
Игорь Кабанов		
Ассири Урса.....	98	
Россия-тройка. Шуточная интерпретация.....	99	
Мария Парамонова		
Первая дуэль.....	100	
Три казака.....	100	
Ратник.....	101	
Ирина Алексеева		
Размышления на берегу реки.....	102	
Андреевский флаг.....	103	
Ирина Яненсон		
Псков, ты угрюмое счастье моё.....	104	
Лариса Калинина		
Сердце Великих Лук.....	105	
Елена Филиппова		
Углич густава шведского.....	106	
О загадочной русской душе.....	106	
Время схизмы.....	107	
Сергей Леонтьев		
Дуэль.....	108	
Церковь Покрова.....	109	
Елена Галактионова		
Свет.....	110	
Символ веры.....	110	
1962.....	111	
Скрытимир Волк		
Мокошь.....	112	
1387.....	112	
Из печи.....	113	
Алина Серёгина		
Византия рухнула.....	114	
Юлия Сорокина		
Колесо.....	115	
Небо.....	115	
Ольга Вершинина		
Красные цветы.....	116	
Поколение.....	116	
Изборская крепость.....	117	
Ольга Королева		
Плѣс. Веранда над Волгой.....	118	
Вечер под Суздалем.....	119	
Домонгольский свет.....	119	
Ольга Флярковская		
Журавлиная Родина.....	120	
Тайна сия в простоте глубока:.....	121	
Отчего ты плачешь?.....	121	
Ольга Тоболенская		
Вне летописи.....	122	
Николай Рассадин		
В Гефсиманском саду.....	123	
Исхода не будет.....	123	
Николай Ключев		
Белая притча.....	124	

МЫ ВОЛИ И ОГНЯ ПОВОДЫРИ...

к 95-летию со дня рождения поэта-воина Игоря Григорьева

Игорь Григорьев (1923–1996)	Виктор Зверев
Поэты.....126	«Душа прощается с родными...».....138
Галина Щербова	Ирина Толдова
«Мешая с бреднями пророчества...».....127	Поэту.....139
Любовь Сердечная	Владимир Павлов
Я иду на Голгофу.....127	Сон поэта.....140
Михаил Полевиков	Александр Себежанин
К поэту.....128	Сердце поэта.....141
Елена Галактионова	Анатолий Вершинский
Творчество.....128	«Низкие» истины.....142
Артур Гайдук	Наша слава.....143
«Неровной строчкой начертай...».....129	Игорь Плохов
Наталья Пунжина	Судьба Поэта.....144
Вдохновение.....130	Елена Черных
Ольга Флярковская	Напишет солнышко стиши.....145
Не верить в то, что смысла нет.....130	Вадим Котов
Ксения Гильман	«Я выдуваю ноты гласных...».....146
Поэту.....131	Мария Парамонова
Владимир Савинов	Мы – братья, поэты!.....147
Сердце – порох.....132	Владимир Королёв
Ирина Алексеева	Смоленщина – Земля поэтов.....148
Напутствие.....133	Ольга Королёва
Владимир Шемшученко	Старое кладбище в Плесе.....149
Блок.....134	Татьяна Дорофеева-Миро
Игорь Тюленев	Поэзия.....150
«Прошли мимо окон стихи луговые...».....134	Владимир Иванов
Елена Черных	Поэт- правдивец.....151
«А может быть и правда не случайно...».....135	Сергей Горшков
Алена Ростовкина	«Скверные» люди.....152
«Что же нам в этом мире осталось?...».....135	Светлана Размыслович
Ксения Алёшина	За лёгкостью слога.....153
Ты – Воин Света.....136	Вита Пшеничная
Лариса Киселёва	Поэту.....154
Глашатаи вечного слова.....137	Андрей Бениаминов
Валерий Савостьянов	Чудная птица.....155
На вечере памяти поэта.....138	

ПСКОВСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ПОРТАЛ

<http://pskovpisatel.ru>

ISBN 978-5-94542-343-5

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ - 2018 **СТИХИ**

Технический редактор Тимофеева И. С.
Подписано в печать 11.10.18. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 10 п. л.
Заказ № 715. Тираж 350 экз.
ГППО «Псковская областная типография»
180004, г. Псков, ул. Ротная, 34

Избранные произведения участников
фестиваля "Словенское поле - 2018",
прошедшего 27-29 июля 2018 года
в Изборске и Пскове

